

Росич

Константин Калбазов

**Росич. И пришел с
грозою военной...**

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Росич. И пришел с грозой военной... / К. Г. Калбазов —
«Автор», 2012 — (Росич)

ISBN 978-5-9922-1119-1

Пять лет... Пять долгих и вместе с тем стремительных лет трое друзей, неожиданно для себя оказавшиеся в России накануне Русско-японской войны, готовились к неизбежной войне. За это время они не раз преступали закон, не гнушаясь тяжкими преступлениями, они поставили в заклад свои жизни ради одной только цели – переломить ход истории, заставить ее изменить намеченный курс. Но достанет ли у них сил? Насколько они хорошо подготовились? Захочет ли старуха-история уступить или прокатится катком по тем, кто решил ей перечить? Все, что могли, они уже сделали, а дальше, как говорится, война план покажет.

ISBN 978-5-9922-1119-1

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Константин Калбазов

И пришел с грозой военной...

Глава 1

Первые выстрелы

– Разрешите, Сергей Владимирович?
– Да-да, конечно, проходите, Роман Викторович. Что-то случилось?
– Об этом я хотел спросить у вас. Вы сегодня какой-то сам не свой.
– Неужели так заметно? Знаете, Роман Викторович, наверное, сказывается разлука с семьей. Мы с Аней ведь не расставались надолго, да и то если я куда и отлучался, то недалеко – знал, что смогу вернуться быстро, а тут...

Звонарев не обманывал собеседника. Впрочем, тот это прекрасно знал. Так уж сложилось, что в их тройке друзей он никогда не покидал Владивостока, если не считать его поездок по окрестностям.

Однако не озвученная инженеру причина была виной его угнетенного состояния. Сегодня было двадцать шестое января 1904 года. Никто в России, разве только кроме японских шпионов, да и то далеко не всех, не знал о том, что японский императорский флот в настоящий момент движется к Порт-Артуру, чтобы атаковать русскую эскадру, стоящую на внешнем рейде. Никто. Кроме трех человек.

Это случилось летом 1998 года. Да-да, здесь нет никакой ошибки. Летним вечером в одном из владивостокских ресторанчиков Звонарев встретил своего однокашника Песчанина Антона, который был вместе со своим подчиненным и другом Гавриловым Семеном. Вместе они изрядно приняли на грудь, и тогда выяснилось, что Звонарев увлекается паранормальными явлениями. По пьяному делу он рассказал, что на одном из пустырей Владивостока располагается самая что ни на есть аномальная зона. Как известно, пьяному море по колено – вот так они и оказались на том злосчастном пустыре, а в результате непонятого явления умудрились пропутешествовать во времени, вернувшись назад на сто лет.

Так уж сложилось, что друзья решили вмешаться в ход истории и постараться предотвратить поражение России в грядущей русско-японской войне. Звонарев выступил против этой затеи, но, не желая терять друзей, вынужден был согласиться участвовать в этой аванюре, сразу оговорив то, что будет заниматься только организацией разработок новинок, которые должны будут обеспечить России преимущество.

За эти пять с половиной лет друзьям пришлось совершить многое. Они переступили через убийство, занимались шулерством, стали казнокрадами и фальшивомонетчиками, превратились в промышленников и золотодобытчиков. За этот срок им удалось создать концерн, который превратился в настоящего экономического монстра на Дальнем Востоке, во многом задающего тон местной экономике. Но все это время они неуклонно двигались только в одном направлении: готовились к неминуемой войне. В созданном ими НИИ во Владивостоке были уже готовы многие разработки, и немало уже воплощено в металле. И вот настал этот день.

У Песчанина, лидера их тройки, были опасения, что привнесенные ими в этот мир новшества могут оказать влияние как на состав кораблей, так и на сроки самой войны. Но насколько было известно друзьям, в составе флотов никаких изменений не произошло, мало того – все шло в соответствии с известной им историей. Старушка никак не хотела уступать своих позиций. Благодаря введенному в судостроение пневматическому инструменту на десятки лет раньше удалось значительно ускорить постройку корпусов судов, но так уж вышло,

что смежники все же не успевали за этим рывком. Из-за запаздывания с постройкой начинки и вооружения строительство кораблей, по большому счету, осталось на прежнем уровне.

Такая же ситуация была и на угольных шахтах, так как, повысив производительность труда шахтеров за счет отбойных молотков, многие не спешили модернизировать остальное оборудование, а только совокупность модернизации могла повлечь повышение объемов добычи. Те, кто это уже понял и начал модернизацию, неизменно оставались в выигрыше, но таких оказалось не так чтобы и много. Что поделаться, большинство из дельцов хотят получать максимум выгоды при минимуме затрат, а скупой, как известно...

Опять же нельзя сказать, что концерну в полной мере удалось удовлетворить спрос на отбойные молотки в их различных модификациях. Нет, их завод работал на полную мощность, в заказах недостатка не было, но удовлетворить весь спрос они не могли просто физически. Неоднократно к ним обращались с просьбами о продаже лицензии на производство, но каждый раз просящие, недоумевающе пожимая плечами, наталкивались на категоричный отказ. Друзья боялись, что чрезмерное производство этого инструмента уже само по себе сможет сказаться на постройке кораблей и начать менять историю. То же, что успевали производить они, было всего лишь каплей в море, тем более что они всячески старались «размазать» производимое ими оборудование тонким слоем по всему миру, не берясь за слишком большие заказы. Относительно крупный заказ был сделан для Японии, но это если смотреть по ограниченному производству в начале деятельности. Надо заметить, что это была инициатива Звонарева, которая едва не стоила им дружбы. Больше в подобные авантюры Сергей старался не вступать.

Появился новый метод, который также мог значительно ускорить, а главное – облегчить корабли класса миноносцев. Сварные корпуса, которые поначалу в Нижнем выходили несколько неказистыми, наконец обрели достаточное качество и прочность. Но опять-таки не получили большого распространения, а вернее, вообще никакого, так как оказалось, что стоимость такого судна чуть ли не на тридцать процентов выше, нежели клепаного. Что делать, электроды оказались не такими уж и дешевыми ввиду ограниченности сбыта и несовершенства производства. Но в Нижнем Калашников сейчас уже всю налаживал производство как сварочных аппаратов, так и электродов. Модернизовав благодаря подсказке из владивостокского НИИ свой сварочный аппарат и используя предложенную конструкцию электродов, он увидел большой потенциал этого не такого уж и нового, но остававшегося в стороне метода. Во всяком случае, все его котлы изготавливались именно с применением электросварки.

Здесь опять все сложилось для друзей не очень просто, так как им всякий раз приходилось компенсировать завышенную цену на изготавливаемые сварные корпуса. Конечно, перерасход средств немалый, но не неоправданный. За это время им удалось наработать технологию, подготовить кадры, усовершенствовать сам агрегат, так что положительная динамика имела место, а значит, не все так уж и напрасно.

Вообще-то Звонарев не планировал влезать в дела, связанные непосредственно с происходящими событиями, – его стезей было обеспечение эффективности действий друзей. Но так уж сложилось, что свалившая Песчанина лихорадка еще не до конца выпустила его из своих крепких объятий. Он, конечно, уже был на ногах, но врачи не рекомендовали ему пока перенапрягаться. Памятуя о предстоящих событиях, Антон все же решил себя побережь и полностью оправиться после болезни. С другой стороны, было бы совсем не по-товарищески сейчас вырывать его из Владивостока – что ни говори, но все шло к свадьбе, а это дело такое... Жены Звонарева и Гаврилова довели до конца задумку по женитьбе своего любимца. В самом скором времени эта история должна была прийти к логическому завершению.

Гаврилов в настоящий момент вообще находился неизвестно где, убыв на купленной год назад яхте. В ней была произведена кое-какая модернизация, что несомненно указывало на использование ее в качестве диверсионного судна. Оснащение Семена и его людей – это вообще была песня. Оно производилось в течение двух лет, так как в первый год в различные фирмы

Европы и России были представлены чертежи различных частей и механизмов, а уже во Владивостоке производилась сборка, причем в сборке принимали участие только сами провалившиеся во времени и бойцы Семена. Так уж сложилось, но о применении боевых пловцов не должны были знать даже представители русского командования. Это должно было остаться тайной за семью печатями. Песчанин справедливо полагал, что если не удастся предотвратить русско-японскую войну, то не помешало бы нанести весьма ощутимый удар в первые же дни. Так что акций с участием боевых пловцов планировалось не так чтобы много, но удары должны были быть весьма ощутимыми. Где именно Гаврилов должен был нанести свой первый удар, Сергей не знал: ему было известно только то, что Семен будет в Порт-Артуре до середины февраля.

Вот и вышло, что Звонарев сейчас находился не подле своей семьи, а на Квантуне, осуществляя надзор за всем тем, что творится в Порт-Артуре. Там, конечно, и Зимов управился бы, да вот только не все можно было доверить Роману Викторовичу: кое-какие действия требовали присутствия кого-либо из провалившихся во времени.

И вот теперь он сидел в своем кабинете на территории завода в Порт-Артуре и предавался мрачным размышлениям о грядущем. Ситуация накалялась день ото дня, японское правительство вело себя с каждым разом все более вызывающе. Сегодня в Порт-Артуре и Дальнем повсюду шла погрузка представителей японского населения. Колония прекращала свое существование в одночасье, причем произошло это именно так, как и рассказывал Антон, прекрасно осведомленный о хронологии событий. Казалось бы, должен был сработать «эффект бабочки», то есть в результате действий друзей должны начаться изменения, но если они и произошли, то им об этом не было известно ничего. В Чемульпо так же несли службу стационаров «Варяг» и «Кореец», в Шанхае находился «Маньчжур», «Сивуч» стоял в Инкоу, эскадра расположилась на внешнем рейде, как и в известной истории, не предприняв никаких противоминных мероприятий.

Звонареву стоило больших усилий, чтобы не вмешаться в ход событий. Конечно, кто его будет слушать? Но с другой стороны, заронить сомнения в души командиров, и, чем черт не шутит, может, они в качестве личной инициативы решат выставить противоминные сети, а команды эсминцев будут куда более внимательны? Хотя... Сомнительно это. Вот и оставалось только ждать, стиснув зубы.

Песчанин строго-настрого запретил Сергею вмешиваться в ход событий. Понятно, что, останься жив адмирал Макаров, и история уже бесповоротно вильнет в другую струю, в этом Антон был убежден, а друзья соглашались с ним. Беспокойный адмирал был личностью неординарной и энергичной. За непродолжительный срок своего командования эскадрой он сумел поднять уровень боевой подготовки, так что останься он жив – и старушке-истории пришлось бы ой как непросто.

На складе завода в Порт-Артуре сейчас спокойно лежали два новейших трала, которые должны были появиться только через десять лет. Так называемые параван-охранители. Только их применение должно было во многом свести на нет операции японцев по минированию окрестностей крепости и, скорее всего, сберегло бы подорвавшийся на mine броненосец «Петропавловск», при гибели которого и погиб прославленный адмирал.

Но, воплощая принятое сообща решение, Звонарев вынужден был не задействовать новинку. Вообще много чего должно было быть задействованным только летом. К этому сроку, как считал Песчанин, уже в достаточной мере вскроются все недостатки как в армии, так и на флоте.

Дело клонилось к закату. Вот уже три дня японский флот перехватывает российские коммерческие суда, чтобы те не подали вестей о выходе в море флота потенциального противника. Именно в этот момент основные силы соединенного флота под командованием адмирала Того уже находятся у острова Роунд, а три дивизиона эсминцев в десять вымпелов уже взяли курс

на Порт-Артур. Два дивизиона идут к Дальнему, так как у Того нет абсолютной уверенности в том, что русские корабли находятся именно на рейде крепости. Все это происходит, если своенравная старушка все еще продолжает гнуть свою линию. Осталось недолго – скоро он все это узнает. Господи, как же тяжело – знать и не иметь возможности предотвратить гибель русских моряков. Как много можно было бы сделать, но в то же время поделаться ничем нельзя, потому что он никто и звать его никак.

Звонарев вновь тяжело вздохнул. А может, ну его? Взять Романа Викторовича – и закачаться в ресторан. Устроить, так сказать, пир во время чумы. А почему бы и нет? Раз уж нельзя ничего поделаться, то напиться ему никто не запретит. Вон в морском собрании сейчас стоит такое веселье – как-никак наместник устраивает бал.

Однако эта мысль мелькнула и бесследно пропала. Ну хоть что-то он ведь может сделать! Понятно, что Антон запретил вмешиваться в ход событий и они с ним согласились. Никакого вмешательства до июля: только наблюдение. Но с другой-то стороны, если ему, к примеру, удастся спасти военный транспорт «Маньчжурия», то это не повлечет никаких глобальных изменений, просто у эскадры в Порт-Артуре появятся дополнительный боекомплект, радиостанции и парк аэростатов... Впрочем, четыре воздушных шарика с необходимым оборудованием друзьями были уже подготовлены и хранились на складе. В конце концов, это может пригодиться в последующем. Там всего-то надо убедить капитана отвернуть к западу и подойти не с юго-востока, а с юго-запада.

Как это сделать? Да просто. Со строительством миноносцев вышел, конечно, затор – кредитов быстро выбить не удалось, опять же с покупками лицензий никто особо не торопился, даже на отбойные молотки: уж очень настораживал тот факт, что их применение не повлекло особых прибылей. Про гирокомпас и говорить нечего. Проверка этого устройства была всесторонней, тщательной и заняла не меньше месяца, потом пока государства приняли решения... Так что с закладкой серии вышла задержка. Но в настоящее время на двух кораблях начались ходовые испытания. Правда, чтобы не привлекать особого внимания, все миноносцы были без названий, а имели только порядковые номера – «ноль-два», на всех миноносцах один и тот же, – понятное дело, что на стоянке в акватории завода номера были разные, но, выходя в море, они имели только один. Поэтому всем было известно, что в строй вступал второй из плеяды «росичей», у которого раз за разом выявлялись различные неполадки, а потому нередко он возвращался, едва волочась. Были и те, кто удивлялся такому положению дел: ведь головной сторожевой корабль вполне себе оказался работоспособным, но их заверяли, что это не так и что «Росич» сейчас неисправен и стоит на приколе в Магадане, вмерзнув в лед.

На самом деле все было не так, и оба сторожевика показывали себя с хорошей стороны – не без неполадок, но тут уж обычное дело и ничего критичного. В самое ближайшее время должны были начаться ходовые испытания оставшихся двух, но этим пока придется тыкаться по артурской луже – нечего было и думать, что им позволят выходить в море с началом боевых действий. К сожалению, к началу войны полностью подготовить их не успели. С другой стороны, на заводе уже строились четыре их сестершипа, которые при благоприятном стечении обстоятельств можно было бы ввести в строй уже в июне. Все комплектующие были уже доставлены. Понятное дело, что такая постройка дороговата, ну да по-другому не получалось: Дальний Восток – он и есть дальний, здесь все дорого.

Трудностей с выходом из Артура в общем-то не было. В море сейчас выпускают без проблем – а с какой, собственно говоря, стати не выпустить, ведь не военное положение. Кораблик сейчас только на подогреве, ну да за полчаса всяко-разно пары разведут, команда только одна... Ну здесь понятно: не содержать же здесь полный штат, для обкатки достаточно и одного экипажа. Люди сейчас в общежитии, дисциплина почти как на военном корабле... Да пошло оно все.

Звонарев поднял трубку и резко прокрутил пару раз ручкой – на коммутаторе тут же ответила девушка-телефонист. Использование телефонов оказалось весьма удобным, несмотря на то что нужно было содержать штат телефонисток и двух ремонтников, поэтому порт-артурский завод также был обеспечен современной связью.

– Оленька, соедините меня с номером два-один. Андрей Андреевич, очень хорошо, что я вас застал дома. – Дом – это несколько преувеличено, скорее, отдельная комната в общежитии, как и у всего руководства завода, – своими домами здесь пока еще не обзавелись. В первую очередь ставились общежития для рабочих и руководства, к строительству же городка только приступили, но сначала жильем должно было обеспечить рабочих. К этой политике концерна руководящее звено отнеслось с пониманием – вот и ютились сейчас пока по комнатам с совмещенными сануздами. Ну да не до жиру. – Который из кораблей сейчас под парами?

– Никакой. Оба на подогреве. Но если есть необходимость, то «ноль-третий» через полчаса будет готов к выходу. – В своей среде миноносцы назывались по реальным номерам, иначе и запутаться недолго.

– Озаботьтесь, Андрей Андреевич.

– А к чему такая спешка, поинтересоваться можно?

– Ничего особенного. Просто ночной выход. Ночь обещает быть темной. Прогуляемся до Элиота, заодно и проверим турбины на разных режимах – «ноль-третий» у нас ведь практически не обкатан. Опять же проверим гирокомпас, а то установить установили, но в ночное время так ни разу и не проверили, да и гидрофоны... вроде с ними были какие-то проблемы. Опять же посмотрим, как поведут себя турбины при полной выкладке.

Все это было не лишено смысла, так как по непонятной для Панина причине истинные характеристики сторожевиков содержались в секрете. Полные ходовые испытания проходили либо вне поля зрения других судов, либо ночью. Но с другой стороны, это его не касалось, так как при подписании контракта в нем черным по белому были прописаны пункты о неразглашении коммерческих тайн, и этот контракт им был подписан. С ним от начала и до конца были честны, а раз так, то и ему не след нарушать договор.

– Да, это так.

– Вот и замечательно.

– Я понял, Сергей Владимирович. – Вообще-то он ничего не понял, и это было заметно по его голосу. Ну и пусть его.

– Не понимаю я вашей перемены настроения, Сергей Владимирович. Вот только что были подавлены – и вдруг словно преобразились, стали каким-то возбужденным и целеустремленным, – недоумевая пожал плечами Зимов, когда Звонарев положил трубку.

– Чего же тут удивительного? Напала хандра, грусть-печаль. Да такое желание напиться, что удержу никакого. А вот выйду в море – и враз полегчает. Я хотя и сугубо сухопутный человек, но море люблю.

– Знаете, у меня сложилось такое впечатление, что вы чего-то ждете этак с нетерпением и в то же время боитесь этого. Вот такое вот двойственное чувство.

– Выбросьте из головы, Роман Викторович. А не хотите ли прогуляться вместе со мной? Встретим рассвет в море – то еще чувство.

– Вы забыли, что я весьма продолжительное время провел в море, пока добирался из Одессы до Владивостока.

– И что? Неужели оно не произвело на вас никакого впечатления?

– Отчего же. Произвело. И эдакое, неизгладимое.

– Ну так как?

– А давайте.

С рейда их выпустили без проблем, хотя и было видно, что эскадра находится в постоянном напряжении. С одной стороны, вроде и маяк не погашен, и на кораблях нет полного затемнения, но вот чувствуется напряжение, и все тут.

Ночь выдалась очень темной – не помогала даже ночная оптика с прямо-таки огромными линзами. «Ноль-третий» шел экономичным ходом в двенадцать узлов, используя только машину: что ни говори, но промышленные турбины для корабля не очень подходили, так как могли работать только в двух режимах. Средний, при котором катер, а в своем кругу друзья называли свои детища только катерами, так как они для них ими по сути и являлись, давал двадцать пять узлов, и полный, когда он буквально взмывал носом над водой, выдавая тридцать пять. Сейчас «ноль-третий» был способен выдать и все тридцать семь, так как был максимально облегчен, лишенный какого-либо вооружения – разве только две спарки пулеметов Горского. Что ни говори, но вооружение так себе, никакое в общем-то вооружение, но и без него никак. В море может случиться что угодно и где угодно. Здесь не Карибское пятнадцатого века, но тоже имеются пираты, так что какое-никакое оружие иметь надо бы, а двух пулеметов для местных флибустьеров – за глаза.

– Сергей Владимирович, мы уже полчаса идем экономическим ходом, прикажете увеличить ход?

Звонарев и Зимов находились на ходовом мостике. Хотя что тут делать? Вокруг тьма египетская – хоть глаз выколи. Ан нет, торчит на ходовом мостике и еще и инженера, своего первейшего сподвижника, приволок.

– Андрей Андреевич, прикажите застопорить ход. Приступаем к отработке поиска кораблей вероятного противника в данном квадрате.

Ага, кое-что начинает проясняться. Стало быть, это не просто выход с целью проверки состояния механизмов, а полноценный учебный поход. Господи, сколько уже мазута сожгли на этих выходах, это же просто жуть. Но, как видно, эти учредители концерна что-то знают, раз уж им не жаль выбрасывать в трубу свои деньги.

Панин знал, что, несмотря на то что эти кораблики заявлены как малые сторожевые корабли для промысловой стражи, по сути они являлись самыми настоящими миноносцами, да еще и какими. Он не был военным моряком – как говорится, происхождением не вышел, а потому служил на гражданских судах, – но составить себе представление, на что способны эти – да какие там сторожевики, самые натуральные миноносцы, – имел. Скорость, маневренность, мощное вооружение. Две семидесятипятимиллиметровые пушки вполне позволяли выступать на равных с миноносцами противника, новый затвор позволял выдавать просто немыслимую скорострельность в сравнении со старым – успевай только снаряды подносить, что вполне компенсировало малое количество артиллерии. Четыре минных аппарата давали возможность вести залповую стрельбу, увеличивая шансы на поражение цели. Недостатком было то, что они могли выстреливаться только строго по курсу, но скорость и маневренность вполне это компенсировали. Известные ему самые быстроходные эсминцы были в состоянии выдавать едва тридцать узлов, когда этот при полной загрузке мог дать все тридцать пять, причем не номинально, а вполне реально. Нет, с «ноль-третьим» пока не все было понятно, но «ноль-второй» вполне способен на это, и в этом он убедился лично.

Сейчас на сторожевиках не было установлено вооружения. Как пояснил Сергей Владимирович, они хотели сначала довести корабли до ума, так как головной выказал весьма своеобразный характер и, хотя уже был принят Приамурским департаментом государственных имуществ, в настоящее время стоит неисправным, вмерзшим во льды Охотского моря. Нет, этот департамент не мог себе позволить закупить такой корабль: максимум, на что они могли замахнуться, – это уж совсем малые катера водоизмещением до семидесяти тонн и уж точно без артиллерийского вооружения. Но тут проявил себя концерн, вдруг решивший внести добровольное пожертвование в виде малого сторожевого корабля. Кто же откажется от дармов-

щинки! Вот и получили чиновники свой сторожевик. Понятно, что учредители концерна пеклись о своей выгоде, – что ни говори, но их рыбная отрасль росла год от года, и конкуренты в виде браконьеров, хоть японских, хоть американских, им были ни к чему, но кто будет содержать такое количество экипажей? Ведь пять кораблей, по сути, были уже готовы, на верфи полным ходом шло строительство еще четырех. Да только кто же закупит их у концерна, если только один обходится больше чем в триста тысяч? Департаменту и одного не потянуть. Опять же предусмотрена возможность для установки минных аппаратов. Скорее всего, учитывалась возможность использования их в качестве миноносцев на случай войны. Но все едино как-то не срасталось. А эта секретность по поводу ввода в строй? Ведь скрывают от всех. Всем всячески показывают, насколько несовершенны машинно-котельные установки, но на деле это не так. Панин очень сомневался, что вооруженный сейчас артиллерией головной «Росич» стоит на приколе из-за поломок. Нет, то, что он вмерз во льды, Панин допускал, но наличие фатальных поломок... Не верил он в это, потому как не в первый раз выводит в море уже второй его систершип.

С другой стороны, назвать учредителей концерна дураками у него не поворачивался язык. Дураки не ворочают такими деньгами. А потом, их дурость в его понимании заключалась только в этом непонятном проекте со сторожевыми кораблями, которых по такой цене у них никто и никогда не купит. Было еще много чего непонятного – эта повальная секретность. Он уже больше года как подписал контракт, но и понятия не имел, что происходит в областях, не касающихся его служебных обязанностей. Да и пропади все пропадом. В конце концов, зачем забивать себе голову – сами разберутся, а его дело маленькое.

Приказ Звонаревым отдан. Вот же сподобился – на палубе корабля, где он царь и бог, ему отдают приказы. Нет, судовладельцам на палубе не место – прав был его наставник, высказавший эту мысль в те времена, когда он мирно ходил на торговце, тысячу раз прав. Но никуда не денешься. Значит, будем отрабатывать этот квадрат.

Еще одно нововведение этих умников из концерна. Все Желтое море было детально картографировано. Нет, ну куда им девать деньги! Мало того – было разбито на квадраты. Очень удобно. А если речь идет о военных морях... Эту их прихоть назвать глупой он никак не мог. Вот только опять все в секрете. Да сколько же секретов у них?

Панин взял телефон прямой связи с машинным отделением. Вот так вот: этот кораблик был напичкан телефонами, как булка изюмом. Но удобно. Вот ей-ей, удобно. Хотя и дорого. Да что же это, дались ему эти деньги – ведь не его же!

– Машина, стоп. – Другой телефон: – Акустик, начать отработку района. Доклад обо всех обнаруженных судах и кораблях.

Вот аппарат так аппарат – до пяти миль способен улавливать шумы винтов, мало того: с его помощью можно определить тип цели, направление и примерное расстояние. Понятно, что так можно определять местоположение браконьеров, вот только большинство из них ходят под парусом на шхунах. Так. Стоп. Хватит.

– Есть. – Это акустик.

Ждем доклада, продвигаемся на другой участок и повторяем.

Вот и ладно. Если обнаружится судно... Хотя кой черт тут обнаружится – не видно никаких ходовых огней, гидрофоны только на пять миль работают, а при работающих машинах и вовсе глохнут. Ну да не суть. Если обнаружится судно, то впоследствии учебная минная атака. После условной атаки корабль отвернет в сторону или пройдет под кормой. Если их обнаружат, то вахта на судне обматерит их последними словами, в смысле световым семафором по международному коду – стало быть, атака неудачная, – если нет, то все в порядке. Военные корабли они также обнаруживали, но даже не пытались к ним приближаться. Бог весть что там этим морячкам покажется, еще саданут из орудий, а оно им надо?

Зазуммерил телефон акустика:

– Мостик.

– Господин капитан, по пеленгу сто двадцать пять обнаружена цель. Цель групповая, однотипная. Предполагаю миноносцы. Дистанция средняя.

– Пеленг сто двадцать пять, цель групповая, однотипная, предположительно миноносцы, дистанция средняя. Принял.

Дальняя дистанция предполагает расстояние от пяти до трех миль, средняя – от трех до мили, малая – ну это понятно. Панин вооружается другим телефоном и связывается с сигнальщиком, который осматривает горизонт в ночную оптику.

– Сигнальщик, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели.

– Есть, пеленг сто двадцать пять. Доклад по цели. – И через несколько секунд: – Господин капитан, цель не обнаружена.

– Принял.

– Что там, Андрей Андреевич?

– Непонятно, Сергей Владимирович. Акустик докладывает об обнаружении группы кораблей, предположительно миноносцев, но те, как видно, идут без ходовых огней, визуально обнаружить не удалось. Что все это значит, черт возьми? – Вопрос риторический, так как получить ответа он не рассчитывает.

– Не поминайте на ночь глядя, – автоматически проговорил Звонарев. С чего бы это? Вроде никогда суеверным не был. А тут поди ж ты... Да станешь тут суеверным, вон страх как сковал все нутро – аж дышать трудно стало. Значит, все же началось. Спокойно. – Андрей Андреевич, разворачиваемся и уходим к Артуру. Только, думаю, не стоит приближаться, держитесь в стороне.

– Вы думаете...

– Все возможно.

– Нам следует...

– Вот только давайте не будем изображать из себя героев, – оборвал Сергей капитана на полуслове. – Есть флот – это их работа. А потом, кто знает, что там на самом деле происходит. Может, это наши миноносцы. Но в любом случае ночью я к ним приближаться не намерен. Выходите на траверз Артура эдак милях в десяти.

– Есть.

Нет, Сергей не был трусом: не хотел участвовать в аванюре, которая, на его взгляд, была не только опасна, но еще и бесполезна, это да. Сказать, что он боялся? Понятно, что ничего не боялся только умалишенные, но не страх стоял во главе его решения. Он всегда был слаб физически, но никто и никогда не причислял его к трусливому десятку. Вот и сейчас ему было страшно, но не это заставило его принять такое решение. Во-первых, история действительно могла пойти по иному сценарию, и уж как минимум могла измениться дата начала войны, а следовательно, это могли оказаться русские миноносцы – что ни говори, но служба-то неслась. Во-вторых, «ноль-третий» был лишен вооружения – на борту имелись только два спаренных пулемета, разработанных специально для этих кораблей, а потому встреча с противником была чревата, а потом, всегда существовала опасность, что их примут за этого самого противника, – а кому хочется оказаться под обстрелом?

Выйдя на траверз Порт-Артура, они вновь легли в дрейф. Акустик раз за разом прослушивал толщу воды, но гидрофоны ничего не фиксировали, вернее, были какие-то шумы, но определить, естественное у них происхождение или искусственное, было просто нереально: не тот уровень технологии.

Ближе к полуночи со стороны Порт-Артура донеслась канонада, сопровождаемая всполохами орудийных выстрелов. Канонада нарастала с каждым мгновением, наконец в эту какофонию добавились звуки орудий береговых батарей, и на обрывистом берегу, неразличимом с

той точки, где стоял «ноль-третий», появились всполохи залпов. Канонада длилась примерно полчаса, то затухая, то возобновляясь, а затем наступила тишина.

– И что это все значит? – Зимов выглядел потрясенным, впрочем, как и присутствующие здесь капитан и штурман.

– А это война, господа. – Сергей и сам удивился тому, насколько спокойно прозвучал его голос.

– Как так может быть? Ведь не было объявления войны! Так не происходит, ведь не в Средние века живем, – усомнился Роман Викторович дрожащим голосом.

– Как видите, происходит. Похоже, что обнаруженные нами миноносцы были японскими.

– А может, вы ошибаетесь? – Это уже Панин. Понятно. Трудно поверить, что вот еще меньше часа назад был мир – и вдруг в одно мгновение все встало с ног на голову.

– Разумеется, я ошибаюсь, а эта артиллерийская стрельба была просто праздничным салютом в честь дня Марии. Наместник перетанцевал на балу и решил: гулять так гулять. Стессель, чтобы угодить его квантунскому высочеству, приказал выдать несколько залпов береговой батарее, – зло бросил Звонарев.

– Что будем делать дальше? – Несмотря на взвинченное состояние Звонарева, Панин оставался совершенно спокойным. Да, у него были сомнения насчет начавшейся войны, но на его выдержке это никак не сказалось.

– Андрей Андреевич, думаю, нам не следует сейчас приближаться к порту, да и в Дальнем нам делать нечего: если это война, а это, скорее всего, именно так, то там наверняка появятся японские корабли. Давайте отойдем к юго-востоку.

Из головы Звонарева все же не шел транспорт «Маньчжурия»: очень уж хотелось, чтобы те запасы, что были на его борту, добрались по назначению. Как ни крути, а это и продовольствие, и боеприпасы, и опять же парк азростатов – все это не помешало бы при обороне крепости, а как видно, осады не избежать. Ведь даже Макаров, несмотря на его способности, а может и благодаря им, не исключал возможности осады и уже с прибытием стал заострять внимание на устройстве линии обороны на Цзиньчжоуском перешейке.

«Ноль-третий», выписывая зигзаги поиска, то ложился в дрейф, ощупывая гидрофоном толщу воды, то вновь приходил в движение, менял позицию – и все повторялось вновь. Если в Охотском море, довольно редко посещаемом судами, Песчанин в основном занимался боевой подготовкой, то здесь, в Желтом, основной упор делался на совершенствование навыков пользования именно гидрофонами – отрабатывались и систематизировались приемы поиска судов и кораблей, благо и тех и других в этой акватории хватало. Все это тщательно фиксировалось и сводилось в наставления по использованию. Одним словом, изделие планомерно готовили к широкому применению, поэтому здесь и находился один из создателей аппарата – второй, от греха, оставили во Владивостоке: не дело складывать все яйца в одну корзину.

– Есть контакт. Пеленг пятьдесят три. Множественные шумы винтов, предполагаю гражданские суда. Большая дальность, – проследовал доклад акустика, когда на востоке уж появилась начавшая сереть полоса. Множественные шумы – это дело такое: может, два, а может, и больше. Несовершенство оборудования и только нарабатываемый опыт не позволяли пока шагнуть вперед. Шаг будет сделан, но только позже – с появлением этого самого опыта, за который, возможно, придется заплатить дорогую цену, и кровью в том числе.

– Пеленг пятьдесят три, групповая цель, предположительно гражданские суда, большая дальность. Принял. – Панин положил трубку – и тут же звонок сигнальщику: – Пеленг пятьдесят три.

И через несколько секунд:

– Принял. Сергей Владимирович, обнаружены два парохода, по контурам похожи на гражданские суда.

– Курс на сближение. Если наши, нужно предупредить.

– Есть.

Как и надеялся Звонарев, одним из пароходов оказался военный транспорт «Маньчжурия». Долго размышлять над тем, что предпринять, он не стал. В конце концов, он во многом именно по этой причине оказался здесь. «Ноль-третий» сблизился с пароходом и пошел с ним параллельным курсом, почти вплотную, так что можно было говорить при помощи мегафона. Конечно, медная труба все одно заставляла напрягать голосовые связки – все же до изделий даже середины двадцатого века ему было далеко.

– Что вам угодно? – прозвучало с высокого борта парохода.

– С кем говорю? – прокричал в ответ Звонарев.

– Капитан парохода «Маньчжурия» Миронов!

– Срочно отворачивайте к западу и подходите к Артуру по большому кругу! Сегодня ночью японские миноносцы атаковали нашу эскадру на внешнем рейде и удалились куда-то в этом направлении, возможно, возвращались к главным силам! Если продолжите двигаться прежним курсом, то велика вероятность того, что повстречаетесь с японцами!

– Неплохо бы для начала представиться!

– Владелец этого судна, Звонарев Сергей Владимирович!

На лице Панина появилось кислое выражение. Оно конечно, вооружение отсутствует, но какое же это судно. Да что с них возьмешь – делец он и есть делец, никакого пиетета к военному кораблю.

– Насколько достоверна эта информация?

– Мы сами наблюдали бой на внешнем рейде, но приближаться не стали!

– Может, вам показалось?!

– Разумеется, показалось, и мы наблюдали салют в честь дня Марии! Вы можете меня послушать, а можете наплевать на мои слова, но только имейте в виду: если пароход попадет в руки японцев, я молчать не буду и сообщу, что предупреждал вас! А теперь решение за вами!

Кто бы сомневался в решении капитана «Маньчжурии», к тому же, кроме незначительного перерасхода угля и потери пары часов в пути, ему это ничем не грозило. Второе судно, от греха подальше, проследовало за ним. Звонарев ощутил небывалый душевный подъем. Вот он каков: всего лишь один выход в море – и столь драгоценный для крепости груз спасен. Понятно, это не может являться определяющим, но уж и не так маловажно.

Однако долго радоваться ему не пришлось. Кто бы сомневался, что старуха не захочет вилить задом. Вот положено «Маньчжурии» оказаться призом японцев – и не замай. Уже давно рассвело, когда на горизонте появился дым. Ничего особенного, просто одинокий дым, который становился все отчетливее. Вскоре уже было понятно, что это одинокое судно, но еще чуть погодя благостное настроение словно ветром сдуло. Когда корабль принял хоть какие-то очертания, стало понятно, что это миноносец. Он слегка рыскал по курсу, имел ход не более десяти узлов, но это был военный корабль, и если поврежденный миноносец движется не к Артуру, а от него, то это могло означать только одно: флаг на нем развевался далеко не Андреевский. Мелькнула была надежда, что побитый японец не сможет преследовать транспорты, развившие полный ход, но надежда мелькнула и тут же погасла. Как ни избит оказался корабль, но развить достаточный ход, чтобы нагнать беглецов, он сумел. С японца просемафорили застопорить ход, по курсу ударил снаряд, подняв небольшой водяной столб, демонстрируя тем самым серьезность намерений. Ну что ты поделаешь! Что такое «не везет» и как с ним бороться. Корабли поспешили разделиться, не снижая хода, японец увязался за «Маньчжурией» – и Миронову пришлось-таки застопорить ход.

Все это время «ноль-третий» двигался, прикрывшись бортом «Маньчжурии», и о происходящем Звонарева информировал с его борта помощник капитана. Застопорил ход транспорт – застопорил и «ноль-третий», все еще не высовываясь из-за массивного корпуса. Объяснить, почему он действовал именно так, Сергей не мог и на все недоумевающие взгляды отвечал

набывшись, словно обиженный ребенок. Вот только что все было в полном порядке, все шло как по нотам. Дивизион крейсеров Дэвы остался с носом – конечно, они и не знали, что должны были заполучить богатый приз, но он-то знал. Откуда взялся этот миноносец? Его не должно было быть здесь. Ведь после атаки оба дивизиона должны были уйти в Чемульпо, а русские были уже гораздо западнее их предполагаемого маршрута. Да, атака вышла разрозненной, да, последние два миноносца проводили свою атаку уже в одиночестве, отстав от своего отряда, но маршрут отхода им был прекрасно известен. Да и времени уже прошло преизрядно, даже поврежденный «Оборо» должен был уже проковылять мимо этого места, и значительно восточнее. Так какого черта!

Нужно было уходить. Прикрывшись корпусом парохода, они вполне могли уйти за пределы огня японцев. Ну не вступать же в самом-то деле в единоборство с противником, имея на борту из вооружения только два пулемета и два маузера, которые были у Фролова и Васюкова: эти с оружием не расставались, разве только когда выходили в город, да и то под пиджаками неизменно носили по нагану. Что поделат, после восстания «боксеров» у них появилась какая-то фобия. Для чего он взял их с собой в этот раз, Сергей даже и не знал. Узнали о выходе в море, попросились, а что отказывать – парням и так скучно, хоть развеются.

Вот же зараза. Ну нет, старая, не все так просто. Накоса, выкуси. Да, Звонарев хотел отсидеться в стороне, но вот что-то свербело внутри. Песчанин бился за своих погибших в прежней истории родных и за всех тех, кого погубит буря под названием Великая Октябрьская социалистическая революция. Гаврилов – за то, что из великой державы господа демократы превратили Россию в... В не пойми что и сбоку бантик. А ему-то за что биться? А за Родину. И пусть сейчас она неправа, пусть война эта с ее стороны несправедливая и захватническая – от этого она не перестает быть его Родиной, а ее, как известно, не выбирают – ее либо любят, либо предают, и третьего не дано.

– Фролов! – окликнул он мужчину, стоящего на палубе и тихо разговаривающего с Васюковым.

– Я, Сергей Владимирович.

– Поднимись-ка на мостик.

– Вы что-то задумали, Сергей Владимирович?

– Ничего особенного, Андрей Андреевич. Ничего особенного.

Все было неправильно. С самого начала все пошло наперекосяк. Сначала крейсер налетел на эсминец «Акебоно», который выбыл из строя и был взят на буксир. А уж с того момента, как в ночи появились огни маяка на Лаотяшане, точно все пошло как угодно, только не согласно разработанному плану. Два дивизиона эсминцев шли к Порт-Артуру двумя кильватерными колоннами. В это время вдаль в небо взметнулся луч прожектора. Что это, гадать не приходилось: просто так в абсолютной черноте моря свет прожектора не появится. Наверняка русские миноносцы, идущие без ходовых огней: ни к чему они им при несении охранной службы. Японские моряки отреагировали на это мгновенно, погасив кормовые огни и отвернув в сторону, – вот тут-то это и произошло. Его корабль налетел на идущий впереди флагманский «Икадзучи» – проклятый сигнальщик с его «кошачьим зрением»! Флагман их дивизиона не пострадал, а вот у «Оборо» был поврежден форштевень. Ход упал до восьми узлов – больше давать было просто нельзя: вода захлестывала в пробоину.

Лейтенант Такемуро слышал, как его товарищи навалились на русских, он слышал взрывы торпед, выстрелы русской артиллерии, по внешнему рейду замечались огни прожекторов. Наконец канонада начала затихать – и тут вспыхнула с новой силой: еще один отряд достиг цели и начал свою атаку. Такемуро услышал еще один взрыв мины: проклятье, опять кому-то повезло. Нет, не проклятье, «БАНЗАЙ!!!». Вот только мало было этих взрывов – он насчитал только три. Плохо. Он мог отвернуть и уйти, никто его не обвинил бы в неисполнении

долга: как атаковать противника, если лишился основного своего преимущества – скорости? Но командир «Оборо» и не думал отворачивать. Атака будет завершена, даже если ему суждено погибнуть. Разве не в этом долг моряка, офицера и, самое главное, самурая? Этот дух в нем не умрет до самого последнего вздоха. Вперед!

Затихшая было канонада разгорелась с новой силой. Вероятно, кто-то из его товарищей отстал и самостоятельно атаковал русских. Молодец, истинный самурай никогда не отступает. Он, Такемура, ничем не уступит этому храбrecу.

«Оборо» наконец достиг внешнего рейда Артура и атаковал русский крейсер «Баян». Не повезло: мина прошла мимо. Но видит богиня Аматерасу, он сделал все, что мог. Теперь оставалось только уходить в Чемульпо, а по пути хоть как-то отремонтироваться. Уже на отходе в миноносец попал русский снаряд, ранив самого Такемура и матроса-рулевого. Но это ничего. Раны – они приличествуют настоящему воину и самураю, а вот то, что разбило компас, – это уже хуже. При столкновении один из компасов уже был поврежден, и вот новая напасть. Можно бы остаться в виду берега, а потом как-нибудь сориентироваться, но нельзя: война уже началась, а остаться в русских водах – обречь эсминец и экипаж на гибель. Остается только выйти в открытое море и днем, сориентировавшись по дымам, либо выйти на свою эскадру, либо пристроиться к какому-нибудь судну.

Но, как видно, Аматерасу решила вознаградить его за крепкий самурайский дух, благодаря которому, несмотря на потерянный ход и повреждения, он все же провел атаку русских кораблей. Мина не достигла цели – и вот, вознаграждая его, она посылает сразу два русских парохода. Приказ остановиться, выстрел по курсу.

Они пытаются уйти, разделившись и выжимая все, на что способны их машины. За двумя зайцами не угнаться – нужно выбирать. Понятное дело, что он выбрал больший из транспортов, а про то, что это военные транспорты, он уже знает, едва ему удастся разобрать название и свериться со справочником. Пробоину худо-бедно с рассветом заделали, так что, хотя это и опасно, но «Оборо» увеличивает ход – и капитан транспорта, поняв, что ему не уйти, стопорит ход. Давно бы так. Жаль, что второй транспорт уходит, но, как говорится, нельзя получить все и сразу. «Оборо» приблизился практически вплотную к транспорту и лег в дрейф.

– Лег в дрейф, дистанция около четверти кабельтова, встал параллельно нам, орудия изготовлены к бою и наведены на нас. Спускают ял.

– Благодарю. Помните, Петр Федорович: как только мы обогнем ваш форштевень – сразу даете полный ход, о нас не думайте. С Богом. – Сергей убрал рупор: больше он ему не понадобится, а Миронов мужик вроде с понятием, не подведет. Самим бы не опростоволоситься. – Фролов, Васюков?

– Готовы, Сергей Владимирович. – Оба бойца, а кто же еще-то, замерли у пулеметов, установленных на турелях, сосредоточенные, но ни страха, ни волнения: боевой опыт – это дело такое... Вон и голос Николая звучит ровно, словно на учениях.

– Роман Викторович?

– Не волнуйтесь, мы не подведем.

Зимов замер у лееров правого борта вместе с шестью матросами. Четверо по двое удерживают сюрреалистическую конструкцию – эдакий самодельный огнемет. Напор разогретого мазута и воздуха должен быть изрядным, поэтому каждый шланг должны удерживать по два человека в рукавицах. Сам огнемет – вообще песня. Багор, к которому наскоро прикрутили концы шлангов подачи мазута и воздуха, на конце приспособление для продувки форсунок – вот, собственно, и все. Поджечь струю должны будут еще два матроса – по одному на каждый огнемет, – у них в руках «машки», эдакие морские швабры, изготовленные из распущенных пеньковых канатов, они сейчас смочены топливом от катерного двигателя и вполне себе весело

полыхают, ожидая момента, когда их используют. Все с бледными лицами, но вид решительный. Как говорится, на войне как на войне.

– Андрей Андреевич?

– Чего уж там. – Панин нервным движением погасил папиросу. – Поехали. – И в телефонную трубку: – Машина, самый полный. Пошли, славяне! – Это уже в полный голос, и не поймешь, кого подбадривает – себя или команду.

Вода за кормой вспенилась, словно в кипящем котле. «Ноль-третий» дернулся, а затем начал плавно набирать ход. Проклятье, корпус «Маньчжурии» не такой уж и большой, особо не разогнаться, ну да за неимением гербовой... Звонарев бросает взгляд на трубы. Дым есть – жидкий, но есть, с другой стороны, на фоне транспорта с его черными клубами – так себе дымок, не разглядят его японцы, мачта завалена, так что об их существовании они даже не догадываются. Боже, неужели это делает он?! Звонарев вцепился правой рукой в ребристую рукоять маузера, позаимствованного у Васюкова. Бой предстоит накоротке, так что лишним всяко-разно не будет. Кобура уже пристегнута: из этой дуры просто так и не стрельнешь, так сподручнее. Второй маузер на всякий случай свисает с плеча Панина. Случись что, им предстоит помогать пулеметчикам отсюда, с ходового мостика.

Как и предполагали, набрать большой скорости не удалось, но тем не менее, когда огибали высокий нос парохода, все же они на его фоне как-то не смотрелись – эдакие Штепсель и Тарапунька, если не сказать больше. Получился изрядный крен на правый борт, и Звонарев даже бросил обеспокоенный взгляд на Зимова: все же Роман Викторович не моряк, – но ничего, вцепился в леера так, что костяшки побелели, но за борт вываливаться даже не думает. Взгляд на пулеметчиков – тоже люди сугубо сухопутные. Туристы, блин. Лиц не видно, но по позам видно, что если и бурлит в них адреналин, то дрожи ни в ногах, ни в руках. Ну да кто бы сомневался.

Японцы заметили катер. В первые мгновения опешили. Но пришли в себя весьма быстро. Носовое орудие пришло в движение, матросы спешно его перенацеливают, безошибочно определив опасность, исходящую от невесть откуда взявшегося кораблика. А не хрен лениться! Надо было сделать кружок вокруг приза – тогда и в штаны делать не пришлось бы, – а теперь поздно пить «боржоми», коли почки отказали.

– Не так быстро, уклунки! Филя, бей по ходовому мостику, потом от кормы к середине. Наше вам с кисточкой!

Пулемет Фролова выпустил длинную, злую очередь. Расстояние так себе, не больше полутора сотен шагов, так что свинцовый рой злобных ос влетает точно в группу у носового орудия, отдаваясь дробным звуком при попадании в щит. Прислуга не успела его повернуть, как была буквально скошена, наводчик и заряжающий попытались укрыться за щитом и всадить-таки снаряд в неизвестно откуда появившегося противника, но только расстояние так себе, а потому пули прошивают легкий щит и достают укрывшихся за ним. Хороший все же пулемет разработал Горский. Разобравшись с орудийным расчетом, Фролов переносит огонь на группу, суетящуюся у яла. От деревянного суденышка полетели щепки, люди падают на палубу, двое свалились за борт. Кто убит или ранен, а кто попадал от страха, не разберешь, но Николай ведет огонь уверенно, не суетясь, так что, возможно, тех, кого он не задел, не так чтобы и много.

Пулемет Васюкова столь же уверенно и остервенело сечет пулями ходовой мостик, тут же обезлюдевший. Даже с такого расстояния, несмотря на дробный перестук пулеметов, слышно, как пули зло, с глухим звоном бьют о металл. Вот частично появляется правый борт миноносца, видна прислуга, суетящаяся у орудий: быстро сориентировались, еще немного – и орудия заговорят. Калибр так себе, но им и этого за глаза: с такого расстояния не промажут. Не судьба. Васюков переносит огонь на них – и моряки пачками валятся на палубу и вываливаются прямо в море.

Обстрел в упор из двух пулеметов буквально не дает японцам поднять голов. На палубе никого, да и кто бы шевелился – тех раненых, кто подавал признаки жизни, пулеметчики без капли сомнений или сожалений попросту добили. Никогда не оставляй за спиной недобитого противника – эту науку они запомнили раз и навсегда.

«Ноль-третий» встал борт о борт с японцем, расстояние – несколько метров. Молодец все же Панин: настоящий наездник для их скакунов. Иероглифов Сергей не знает, но, судя по повреждениям форштевня и тому, что ему известно из прошлой истории, это «Оборо». Насколько он знал из рассказов Антона, этот эсминец в числе погибших не числился. Что же, возможно, и уйдет, но не так просто. Его необходимо вывести из строя на как можно более долгий срок – иначе «Маньчжурии» не уйти, да и им, грешным, может достаться. Пока, слава богу, в них не произвели ни одного выстрела – не то что из орудия, но и из пистолета.

– Роман Викторович, начали!!!

Зимов кивает, быстро отирает выступивший на лице пот и подает команду матросам:

– Николай!!! – Это уже Фролову – говорить, что именно требуется, нет необходимости. И так понятно: чтобы никто из команды японца и носа не высунул. Но Сергею так спокойнее.

– Порядок, командир! – О как! Когда это он успел для них стать командиром? До сего момента такого обращения заслуживал только Гризли – даже Песчанина именовали не иначе как Антоном Сергеевичем. Растем, однако.

Вентили открыты, и из огнемета вырывается подогретый паром мазут, смешанный с воздухом, толкаемая насосом и компрессором распыленная смесь орошает надстройки, ходовой мостик, палубу, заливая все маслянистой пленкой, протекая вовнутрь через открытые люки и двери, обильно орошая тела и еще живых людей, прячущихся за надстройками по левому борту. Но это продолжается недолго, так как поднесенные к импровизированным соплам огнеметов факелы поджигают горячий мазут, – и вот на японцев льется уже не мазут, а две огненные струи. Подоженный и распыленный мазут не успевает сгорать до конца, падает на палубу и продолжает полыхать там, заодно поджигая и тот, что был пролит раньше. На миноносце слышатся вопли ужаса, те, кто нашел прикрытие от пуль за надстройками, не могут спастись от попадающего практически повсюду горящего мазута.

По палубе мечутся горящие моряки, вот поднялось два живых факела на мостике и, источая ужасающий крик, прыгают за борт, остальные, стараясь спастись или просто бездумно мечась, следуют их примеру, двое ослепленных нестерпимой болью мечутся по палубе, уже не отдавая себе отчета. Две злые и короткие пулеметные очереди прекращают их мучения. Матросы «ноль-третьего» едва не дают слабины от представшей страшной картины. Но злой окрик Звонарева все же останавливает их. Сам Звонарев держится на одной только злости – на самого себя. Это он виновник произошедшего, это его приказ сейчас выполняют моряки, но отступить он не намерен. Потом он напьется вусмерть, но это потом, а сейчас он просто не имеет права остановиться.

Сколько удалось вылить мазута на «Оборо», Сергей сказать затруднялся, но, наверное, никак не меньше тонны. Миноносец уже весь объят пламенем, в небо поднимается огромный черный столб дыма. Все, хватит. Такой пожар можно потушить, только полностью окунув корабль в море.

– Роман Викторович, достаточно!

Панин уже у штурвала – бледный как полотно, но держится молодцом. Кивок рулевому, на время отстраненному и сейчас держащему в руках телефонную трубку. Бледные губы нехотя размыкаются – и хриплый голос выдает едва ли не на истерической ноте:

– Машина, самый полный!

Опять закипает вода за кормой – и «ноль-третий» начинает движение. Сначала движется параллельно обреченному кораблю, потом, понемногу набирая ход, начинает отворачивать в сторону.

Они успели отойти от противника на расстояние чуть больше кабельтова, когда в носовой части «Оборо» выметнулся огонь и обломки корпуса. Не иначе раздосадованная старуха поспособствовала, чтобы огонь добрался до складированных в носовой части боевых частей торпед. А может, это рванули трехдюймовые снаряды. А чего вы от нее хотели? Она сбила его с курса, вывела точно на транспорт и практически безоружный русский сторожевик, чтобы даже в такой малости история не претерпела изменений, а его команда не смогла придумать ничего лучше, как не просто дать вырваться транспорту, но еще и позволить покуражиться над собой. Стоит ли удивляться, что старуха осерчала?

«Оборо» все еще был объят пламенем, когда его корма задралась вверх, обнажая винты, и миноносец словно нырнул в бездну. Только значительно позже стало известно, что никто из экипажа эсминца так и не был обнаружен. Ну да не они начали первыми, а в том, что отдачей зашибло, ни Звонарев, ни его спутники не виноваты. Только вот отпоить бы сейчас команду: на людей страшно смотреть.

Есть те, кто утверждает, что первые выстрелы в русско-японской войне были произведены канонерской лодкой «Кореец» на рейде Чемульпо, который двадцать шестого января пытался покинуть порт, но дорогу ему заступили. Японцы утверждают, что в ответ на их действия, направленные на то, чтобы принудить русский корабль вернуться в порт, он ответил двумя орудийными выстрелами из тридцатисемимиллиметровой револьверной пушки, повредив при этом машину «Тсубаме». Правда, при этом они напрочь забывают упомянуть о трех торпедах, выпущенных перед этим в «Корейца», которые просто прошли мимо.

Другие говорят о том, что первые выстрелы были произведены на внешнем рейде Порт-Артура, по атакующим японским миноносцам. Правда, тут уж не стесняются отдать пальму первенства все же японцам, указывая на то, что русские ответили на выпущенные в них торпеды, причем уже после того, как две из них повредили «Ретвизиана» и «Цесаревича».

Ни с одним из этих утверждений Гаврилов спорить не собирался. Он просто знал. Знал, что пальма первенства, уж во всяком случае в этой, он смел надеяться, теперь уже новой, истории принадлежала не кому-то там, а ему и его ребятам. Как бы там Антон ни планировал их вступление в войну, но отказаться от возможности уменьшить военный потенциал Японии на парочку броненосных крейсеров новой постройки он не мог. Вот и был направлен в долгосрочную командировку Гаврилов.

Яхта «Светлана» провела в южных широтах полгода. Нашли тихий, уединенный и необитаемый островок – золотая, можно сказать, мечта безоблачного детства. Остров подошел во всех отношениях: здесь была и лагуна с ровным песчаным дном, лишенным какой-либо растительности, а стало быть, и ориентиров, что очень способствовало выработке навыков ориентирования под водой. И скалистый берег с неизменным прибоем – конечно, ему было далеко до тех волн, накатывающих на берег и столь любимых серфингистами, впрочем, эти пока еще не появились: идея оседлать волну вроде как имеется у каких-то туземных племен, но на этом пока и все. Но этот прибой вкупе со скалами как нельзя лучше подошел для тренировок и оттачивания навыков.

За это время парни из отряда пловцов успели наработать не один и не два десятка часов подводного плавания. Причем если в самом начале Семен практиковал дневные погружения, отрабатывая погружение, передвижение под водой, правила обращения с оборудованием, ориентирование и тому подобное, то месяца через три упорных тренировок они приступили к отработке диверсионных действий.

В первую очередь учились обнаруживать вероятного противника, выходя на него в ночное время. В этом случае пловцам приходилось несладко, так как в качестве учебного пособия выступала сама «Светлана», которую зловредный Гаврилов всякий раз старался отвести в сторону – ну чтобы жизнь медом не казалась. Ее стальной корпус вполне подходил для уста-

новки магнитных мин. Хорошо хоть использовали только по паре магнитов, если бы с полным комплектом, то потом устали бы отдира́ть учебное пособие от днища яхты.

Учения проходили с переменным успехом, но все же к назначенному времени Семен не без удовольствия пришел к выводу, что к тому максимуму, который он мог преподавать на тренировках, они подошли: наработка дальнейших навыков зависела уже от боевых выходов.

Простившись с тихой лагуной тихого приветливого острова, «Светлана» вышла в открытое море или, если хотите, океан и взяла курс на Сингапур. Время неумолимо текло, и настал момент ей заявить о себе, а вернее, тем, кто, находясь на ее борту, буквально изнывал от желания применить-таки свои обретенные способности на практике. Тем вопросом, что они, по сути, идут на совершение преступления, они не задавались. Раз командир говорит, что эти улыбочивые ребята не позднее конца января покажут свой звериный оскал, значит, так оно и есть. С другой стороны, долгие месяцы тренировок кого хочешь доведут до белого каления. И что, все это зря? Ну уж нет.

Пак появился в Сингапуре сравнительно недавно – не далее как месяц назад. Появился не нищим, так как у него достало средств, чтобы купить небольшую джонку и какой-никакой товар. Конечно, предприятие было бы выгодным, если бы не бешеная конкуренция. Стоило в гавани появиться новому кораблю, как его тут же облепляли самые различные лоханки торговцев, которые громкими призывами старались обратить внимание именно на себя. Люди пробыли долгое время в плавании, они истосковались по свежим фруктам, опять же хотелось вкусно поесть, так как стряпня судового кока стоит уже поперек горла. Если нужно просто добраться до берега – и тут никаких проблем, разумеется, за плату, но опять-таки весьма умеренную: не то место, чтобы заламывать цены, – конкуренты тут же оттеснят в сторону, и тогда можно и ноги с голоду протянуть. Если есть желание расслабиться после продолжительного морского перехода – и тут вам помогут со всем прилежанием, предложив общество какой-нибудь прелестницы с раскосыми глазами.

Но это только со стороны кажется простым: купил лодку – и будет тебе счастье. Конкуренция среди портовых лодочников не просто жестокая, да еще и сильно развита корпоративность. Здесь лодочники, можно сказать, потомственные, передающие и лодки, и дело из поколения в поколение, влезть в их иерархию еще нужно умудриться. Не пришелся ко двору – не дадут жизни, будешь пробавляться обьедками, да еще и по самым смешным ценам; попытаться перейти дорогу – в лучшем случае просто сожгут лодку, в худшем... Лучше не высываться и быть внизу. Пак и не высывался. Его лодка подходила к судам и кораблям последней, у пирса стояла в самом конце, не мозоля глаза местным заправилам, – его и не трогали, но и заработки были совсем никудышные. Семьи у него не было. Куда? Тут бы самому ноги не протянуть.

Белоснежная океанская яхта появилась на рейде, словно лебедь среди черного воронья. На борту русскими буквами было выведено название: «Светлана». Такая красавица не могла предназначаться для перевозки грузов: максимум, что могла она перевозить, – это весьма обеспеченных персон. Вот только флаг над нею развевался совсем даже не русский, а американский. С чего бы это? Впрочем, поди разбери этих богачей – захотелось вот эдак, и никаких денег не жалко за исполнение своего желания. Как видно, богатый клиент забрел в мутные воды Сингапурского порта. А богатый клиент – это дело такое... Его упускать никак нельзя.

К белоснежной красавице тут же устремилась стайка лодок: куда там портовым служащим, здесь главное – оказаться первым, – если повезет, то можно подвизаться обслуживать команду на все время, пока судно в порту. У господ-то, понятно, ял имеется, а как быть простым матросам? Вахту отстоял – и свободен как птица, да кто же станет ради тебя шлюпку гонять – она всего-то два рейса сделает, утром и вечером, да еще и в строго определенное время. А если подзадержаться хочется или пораньше сойти на берег? Вот тут-то лодочники

в самый раз и будут. На таких судах и матросы не прижимистые, вот и ринулись к яхте местные извозчики. Пак также направился вслед за этой стайкой. Двигался он медленно, чтобы не мозолить своей настырностью глаза другим, – а ну как выгорит?

Вблизи яхта оказалась не столь уж и белоснежной – как видно, она уже давно в плавании и успела хлебнуть лиха: и шторма пройти, и бури. То тут, то там были видны рыжие подтеки и соляные разводы, но от этого она не перестала быть красавицей, а как представишь ее с распушенными парусами... Красота.

Вот опустили трап, но лодочники и не думают к нему приближаться: галдят вокруг, выкрикивают что-то, зазывают, показывают фрукты, нахваливают товар, предлагают свои услуги – мол, только я и в любое время, да быстро как птица.

К трапу остается свободный проход, в который уверенно, по-хозяйски проскальзывает шлюпка с портовым чиновником и таможенником. Из нее с чувством собственного достоинства на трап ступают двое и не торопясь поднимаются на борт. Отсутствуют они около двадцати минут, после чего, вполне довольные собой, все столь же высоко неся головы, спускаются обратно – и портовая шлюпка отваливает в сторону берега.

Яхтенный ял никто спускать не торопится – как видно, хозяин пока занят и на берег не спешит. Лодочники, осмелев, облепили трап со всех сторон – теперь уже сквозь них не протиснуться – и продолжают свой галдеж. Наконец на трапе появляется мужчина в белой рубахе, с подвязанным на манер фартука белым отрезом полотна и таким же колпаком. Ага, это кок, стало быть. Лодочники тут же начинают поднимать над головой свой товар, не переставая его нахваливать. Мужчина остановился примерно на середине трапа – так, чтобы оставаться над этой импровизированной толпой, – и внимательно их осматривает. На мгновение его взгляд задерживается на стоящем немного особняком корейце, но тут же скользит дальше.

– Чего ты застыл-то, Семеныч? – Это у фальшборта появился офицер в белоснежном кителе.

– Да, Роман Андреевич, а как с ними общаться-то – я ить и языка ихнего не знаю, галдят чего-то, а чего галдят – и не поймешь. Понятно, что товар предлагают, да как разберешь, какую цену ломают?

– А ты что же, в первый раз в иностранном порту? – улыбается офицер. – Разберешься, не впервой. Ты же английский немного знаешь, вот и давай.

– Ага. Немного я, немного они, а поди тут пойми друг дружку.

– Чего они там говорят?

– Что хотят?

– На каком это они?

– Точно не на английском. – Еще бы, на этом языке все худо-бедно изъясняются.

– И не на французском. – Этот знают немногие – ну как знают... в общем, так себе знают.

– Это на русском.

Все поворачиваются в сторону подавшего голос Пака. Вот так вот – серая неприметная мышка, а оказывается, что-то да знает.

– И чего они хотят? – Это Лао, он как бы старшина у лодочников: если он спрашивает – лучше ответить, и быстро.

– Говорит, что ни слова не понимает, английский знает очень плохо, мы тоже говорим нехорошо, боится, что не сможем друг друга понять.

– А ты откуда русский знаешь?

– Бывал в России.

– Понятно. Поговори с ним.

А отчего не поговорить, если старшина отщепенцу дает такое право. Сам как бы и не напрашивается, а так... Неприятностей, одним словом, не будет.

– Господина, я говорю на рюски.

– О! Роман Андреевич, есть один, что по-русскому лопочет.

– Ну вот, а ты боялся. Пантелеич!

– Я, ваш бродь. – У борта появляется здоровенный детина, не иначе как боцман.

– Тут Семеныч нашел одного, что на русском лопочет. Озаботься. Не то команду по пьяному делу отвезут куда угодно, только не на «Светлану».

– Есть, ваш бродь. Не извольте беспокоиться – все сделаю в лучшем виде. – И боцман уверенно ступил на трап.

Тем временем с появлением переводчика торговля пошла веселее. Вот только кореец не предлагал свой товар, чтобы не вызвать неудовольствия уважаемого Лао, – ведь тот позволил только переводить. Но кок сам прикупил кое-что у бедолаги – к этому отнеслись спокойно, никто не покосился и не зашипел. Парень молодец: на глаза сам не лезет, имеет уважение и место свое знает, а то, что купили у него немного товара, – так что с того, ведь сам кок купил, кореец ничего не предлагал. Появились два матроса и, нагруженные фруктами, поднялись с поклажей на борт, кок ушел за ними, а боцман обратился к Паку:

– Как звать, раб божий?

– Арым.

– Ты вот что, Арым. Мы тут простоим несколько дней, ребятам и погулять нужно, и назад вернуться, ну ты понимаешь. Как, хочешь подзаработать?

Пак бросил вопросительный взгляд на Лао: без его дозволения он никак не может согласиться, остальные также смотрят на крепкого мужчину лет сорока.

– Чего он хочет?

– Спрашивает, не хочу ли я поработать у них лодочником.

– Ясно. Ну что, товар продали, отчаливайте, яхту будет обслуживать Пак. – А чего тут непонятного, старшой решение принял. Лодочники начали рассасываться: здесь больше ничего не обломится – если только еще можно будет предложить товар, но это уже на общих основаниях.

– Моя согласна.

– Вот и ладушки, – понятиливо ухмыльнувшись в пышные усы, резюмировал боцман. – Ты тут подожди: сейчас ребятки спустятся – свезешь на берег, да сговоришься там с этими чертями, когда заберешь.

– Моя все понимай.

– Ну бывай, пока.

– Слушай сюда, Арым, – когда боцман поднялся по трапу, обратился к Паку Лао. – Половину заработка будешь отдавать мне, и без глупостей. Их там нужно будет обстирывать, так что все белье возьмешь и привезешь мне, мои женщины и отстирают, и отгладят, господа останутся довольными, но эту плату будешь отдавать всю. Все понял?

– Все, уважаемый.

– Может, тебе что не нравится?

– Все нравится, уважаемый. И огромное вам спасибо.

– Работай. – Благосклонно кивнув, Лао отвалил и усиленно заработал веслами в сторону какого-то корабля. В лодке все еще оставался товар: нужно было его распродать.

– Здорово, корейская морда, – устраиваясь на банке и украдкой улыбаясь лодочнику, проговорил Зубов, одетый в матросскую форменку. В лодке спешно рассаживались еще пятеро, и все таинственно улыбались корейцу, как бы невзначай одаривая его легкими тумачами.

– И тебе привет, морда рязанская. – Вот ведь чудеса – никакого тебе акцента, чистая русская речь.

– Чего это рязанская? Я там отродясь не был.

– Будешь еще – вот увидишь: там все такие.

– Как тут?

– Эти лодочники, скажу я тебе, еще похлеще извозчиков из нашего квартала: постороннему сюда ходу нет. Если бы не было с собой денег, то с голодухи ноги уже протянул бы. Да еще этот старшина их – половину заработка велел ему отдавать да всю стирку собирать и его женщинам отвозить. Плату, понятное дело, им.

– Вот же мироед.

– Не то слово. Ты теперь-то толком можешь объяснить, зачем это все?

– Война с Японией не за горами.

– Это точно?

– Командир сказал, а он еще ни разу не обманул.

– А что же мы тут делаем?

– А то. Японцы прикупили два новых крейсера – так мы сделаем так, чтобы они в Японию не дошли.

– Ясно. – И у этого ни сомнений, ни вопросов, что да как. Надо, значит, надо. – А почему Сингапур?

– Не пройти им мимо: здесь пойдут. Вот тут-то мы их и приголубим.

– Ну а я-то зачем? Вы там под водой плаваете – вот вам и карты в руки.

– А ты, я гляжу, самый умный. Кто же сказал, что японцы встанут рядышком с нами? Ты думаешь, под водой раз – и доплыл? Как бы не так: чуть сбился с курса – и привет, а там, глядишь, и какой корабль на пути, или не один.

– И что, я вас буду возить?

– А куда ты денешься!

Лодка пристала к берегу, и матросы шумной гурьбой повалили на берег. За прошедшие месяцы они просто уже осатанели без каких-либо развлечений, даже не видя женщин. Сейчас, взирая на вторую половину человечества, они даже не помышляли ни о чем таком-эдаком – они просто глупо улыбались: мол, вот и бабы на этом свете все еще есть и никуда не делись, а то, что непривычного виду, – так каких только не видели во Владивостоке, настоящем Вавилоне на Дальнем Востоке. Конечно, русские гораздо краше, но и эти вполне себе ничего.

– Ты вот что, Ким...

– Ты, смотри, нигде не ляпни, – шикнул на него кореец Пак.

– А, ну да. Нашел же себе фамилию.

– Нормальная фамилия, ничуть не хуже Иванова или Петрова.

– Понятно. Ты это, давай на яхту – вторую партию парней заберешь и узлы с бельем. Прачка ты наша. Да ладно, чего ты дуешься, я, что ли, виноват в том, что ты кореец и для тебя нашлось другое занятие.

– Да не дуюсь я. Ладно, вали давай.

Крейсеры «Нисин» и «Касуга», закупленные в спешном порядке перед войной в Италии, сейчас перегонялись в Японию под английским коммерческим флагом с английским же эскортом в виде одного крейсера. Противостояние между Россией и Японией достигло своего пика, хотя этого пока еще не поняли русские политики. Японцы планомерно двигались к вооруженному конфликту, а в связи с этим торопились перегнать корабли в Японию, так как они оченьгодились бы в предстоящей войне, обеспечивая еще большее преимущество японскому флоту.

Еще не прозвучало ни одного выстрела, еще не последовало объявления войны, как это принято в цивилизованных странах и как того требуют принятые международные акты, но эти два корабля уже сыграли свою роль в предстоящей войне. Встреча их с кораблями отряда Вирениуса стоила Порт-Артуру того, что отряд был возвращен в Либаву, так и не усилив флота Тихого океана. В морском ведомстве все же сидели не полные идиоты, так что в возможность войны они очень даже верили, а если японцы укомплектуют экипажи в море, то эти два броненосных крейсера будут представлять реальную опасность для русских кораблей, – вот и пере-

страховались чиновники, да-да, уже давно не флотоводцы, а именно чиновники. Единственный флотоводец настаивал на том, чтобы отряд продолжал движение в Порт-Артур, но адмирала Макарова никто не стал слушать.

И вот наконец эти крейсера достигли Сингапура. Здесь им предстояла бункеровка перед последним броском – теперь уже до самой Японии. Экипажи на кораблях сокращенные: только необходимый минимум для перегона кораблей. Над ними развевается Британский коммерческий флаг, и хотя это неспособно обмануть даже самого наивного, но свою роль сыграло: опасаясь обострения отношений с Англией, никто даже мысли не допускал, чтобы корабли хоть как-то задержать, в том числе и российские политики.

Гаврилов, расположившись под навесом на палубе «Светланы», попивал чай и внимательно всматривался в застывшие вдалеке японские крейсера. Его опасения полностью оправдались. Японцы стали очень неудачно: их практически полностью прикрывали английские корабли, поближе к которым и расположились эти утюги. Хватало на пути и гражданских судов. Одним словом, условия для работы пловцов самые паскудные, а если еще учесть и отсутствие реального боевого опыта... В общем, весело.

– Ну и что ты на это скажешь, пловец?

– А чего говорить-то, командир. Плохо дело. Тут без Кима-Пака не обойтись. Не вытянут ребята, заблудятся, как пить дать заблудятся.

– Вот и я о том. Тут даже я маху дам легко. Дело к вечеру. Вызывай Кима.

– Пака.

– Ну да, Пака.

– А чего его вызывать – через час вернется с бельем из стирки.

– Тогда готовь снаряжение – пойдем я и ты. Возьмем один скутер, чтобы Пак потом не изошел, волоча нас: на самых малых оборотах нормальное ему подспорье будет. Крючья-то в днище вкрутили?

– Все готово, командир.

– Вот и ладушки.

– Господина, фрукта покупай, фрукта свежий, хороший, очень вкусна.

– Опоздал, дружище. Уже давно закупились. Где раньше-то был?

Команда на крейсерах была смешанной, так что японцев там присутствовало совсем мало. Вот и вахтенный матрос у трапа – по виду англичанин. Неплохой, по всему видно, парень – Киму даже на секунду стало его жаль, к тому же он не военный – просто перегоняет этот клятый крейсер, вот и все. Но потом сомнения и жалость отходят в сторону. Да, парень ни в чем не виноват, но, если сейчас не разобраться с этим крейсером, скольких вот таких ни в чем не повинных парней он отправит на тот свет, служа под ненавистным японским флагом? К японцам у Кима был свой счет.

Лодку свою Ким-Пак провел от носа к трапу, двигался медленно – как видно, лодочник сильно замаялся за этот трудный и длинный день, но нужда гнала его вперед: пока солнце еще не село, можно было попытаться снять еще какую денюгу.

Ориентироваться в этих мутных водах, плотно заставленных различными судами, не показываясь на поверхности, было практически нереально – вот и приходилось использовать лодочника. С этой целью в дно лодки вкрутили пару крюков, к которым линем подцепили скутер. Давая самые малые обороты, он как на веревочке шел за ней, ведомый к своей цели. Придерживались четырехметровой глубины: дыхательные аппараты замкнутого цикла и электродвигатели скутера никоим образом не выдавали пловцов; мины двигались на буксире, имея плавучесть, позволяющую им держаться на этой же глубине. За последнюю держался Зубов – эдак и его буксировали, и он сможет контролировать заряды, чтобы не прилипли к корпусу там, где не надо, не то потом замучаешься отдирать: тут уж и семь потов сольешь, и без рычага

никак, – благо полярность у мощных магнитов была одинаковой, так что друг от дружки они только отталкивались.

Пока огибали корабль, Зубов успел прилепить две мины, ориентируясь по всплескам весел: как весло плеснуло, так и пора. По идее, должны были заминировать два соседних отсека. За то, что мина при взрыве будет снесена ударной волной, не переживали, так как взрывателей было два – один на часовом механизме, второй маятниковый: случись сильное сотрясение от гидроудара – взрыватель откликнется мгновенно, так что мины должны были сработать практически в один момент.

У «Касуги» задержаться вообще не удалось: здесь на вахте у трапа находился не улыбочивый англичанин, а надутый спесью японец, по виду самый обычный крестьянин, но преисполненный самурайским духом и презрением ко всем иноплеменникам, а уж к азиатам тем паче. Он даже не стал интересоваться у корейца, зачем тот пожаловал, а тут же, требовательно взмахнув рукой, показал, чтобы Пак отваливал в сторону. И пригрозил применить оружие, если тот не послушает. Насчет оружия Пак сильно сомневался, но, изобразив испуг, резко ударил веслами по воде, спеша покинуть опасное место и тем самым подавая сигнал об установке мины. Зубов дисциплинированно прилепил последний сюрприз и перерезал льня. Что могли, они сделали – теперь все зависело от воли Господа и от инженеров концерна: насколько хороша уже их работа. Каждая из мин была оборудована хитрой системой подрыва с небольшими турбинами. Когда корабль набирал ход в семь узлов, эти турбины запускали часовой механизм, а через двенадцать часов шток отходил, высвобождая боек взрывателя мгновенного действия. Довольно хитро, но иначе никак: к моменту подрыва гарибальдийцы – их так отчего-то называл Гаврилов – должны были находиться в открытом море, а учитывая, что в путь обычно отправлялись с утра, трагедия должна была произойти не только в открытом море, но еще и ночью.

– Ты хорошо подумал, Арым?

Ой как не хотелось терять уважаемому Лао своего работника! А что, работник и есть: он, Лао, взял его под свое крыло – пусть только кто пикнет на Пака, – а тот в свою очередь половину своего заработка ему отдает. Очень удобно.

– Да, уважаемый. Большое вам спасибо за заботу, но и вы поймите. На этой яхте во время последнего шторма смыло за борт матроса, и мне предложили его место. Такое бывает только раз в жизни.

– Да-а, Арым, повезло тебе.

– Вы не можете мне продать мою лодку?

– Отчего не помочь! А давай, я ее и куплю. Цену дам стоящую.

Стоящая цена оказалась ровно в два раза ниже, чем уплатил в свое время сам Пак, ну да и пусть. Конечно, уважаемый Лао тот еще прохиндей и симпатий не вызывает, но вот смог помочь – так пускай еще немного подзаработает.

Ясным январским днем белоснежная яхта «Светлана» покидала рейд Сингапура – того самого, что «бананово-лимонный». Здесь ей больше делать нечего: с одной стороны, поставленную задачу пловцы выполнили, а с другой, раз уж сложилось все так удачно и время позволяет, Семен хотел поспеть еще в одно место.

Зимнее холодное Желтое море, небо, затянутое тучами, темные неприветливые волны, ветер, бьющий в лицо и бросающий обжигающие холодом соленые брызги. На палубе находится нет никакого желания, но никуда не денешься: яхта идет под парусами. Машина тоже работает – нужен максимальный ход, а если машина станет, то винт значительно снизит скорость. И куда гнать? Ветер довольно свежий, судно идет весьма бодро, но в Гаврилова словно бес вселился – гонит и гонит. Холодно, зараза. После теплых южных широт, в которых провели столько времени, этот зимний холод вкупе со всепроникающей сыростью выматывает душу.

Вот и цель их бега по волнам – серый неприветливый Чемульпо. Господи, да что все так уныло-то!

Вечером двадцать пятого января «Светлана» вошла в гавань, но вглубь не пошла, остановившись буквально на входе, – весьма странное поведение для яхты с путешественниками на борту. Понятно, что эксцентричный владелец может себе позволить многое, но к чему такой экстрим?

– Семен Андреевич, может, все же объясните, чего мы так гнали-то? – Зубов подошел к Гаврилову, замершему у борта яхты и внимательно всматривающемуся в воды бухты.

– Про войну-то веришь?

– Если говорите вы, то верю.

– А что ты видишь тут, в порту?

– А что я вижу? Ну стоят военные корабли да пара судов – и что с того? – недоумевающее пожал плечами Зубов.

– А что за корабли видишь?

– Англичанин, француз, американец, вон того флага не знаю...

– Итальянец, – вставил Семен.

– Ага. Вон японец, а те два наши.

– Вот самое главное ты и оставил напоследок.

– Вы про наших, что ли? Так, а что им делается, порт-то вроде не японский.

– Это только пока. Как только японцы захотят начать войну с нами, они в первую очередь займут Чемульпо: очень удобно, чтобы войска перебрасывать из Японии.

– Да вам-то откуда знать?

– А они по-другому не смогут поступить.

– Ну, может, и так, вы человек образованный... А нам-то что делать? Будем минировать японцев, как только они появятся?

– Хорошо бы, да не получится. Видишь, какое течение? Опять же вода мутная, так что без всплытия промажем в десяти случаях из десяти возможных. А если японцы придут днем, то и вовсе дело глухое. Да-а, думал я, что все тут непросто, а тут вообще все хреново.

– Семен Андреевич, я вот тут думал, думал – и никак не могу понять: откуда вы все это знаете? Ну и про прииск, и про Японию, и, как понимаю, к войне мы готовились давно уже – чай, не первый год всякие премудрости готовим, взять тот же НИИ. Странно это.

– Значит, тебе недостаточно просто верить мне?

– Достаточно, – решительно мотнул головой Максим.

– Но вопросы остаются?

– Вы это... Если не хотите, то не отвечайте, мы и без того готовы, тут не сомневайтесь.

– Да нет, все правильно. Вера – это одно, а нужно еще и знать почему и зачем. Остальным сам объяснишь или собрать надо всех?

– Не надо всех. Сам объясню.

– Ну тогда слушай. Если коротко, то о том, что случится война с Японией, не догадывается только дурак или тот, кто не интересуется тем, что творится в мире. Если бы вы не изнывали целыми днями на тренировках, а почитывали газеты и слушали, о чем разговаривают на рынке да в лавках, то уже давно это поняли бы. Мне, как ты понимаешь, тоже особо этим заниматься некогда, а вот Антон Сергеевич – он и в Петербург ездит, и вообще общается со многими. Мы вначале хотели просто заработать как можно больше и, как патриоты своей Родины, обеспечить процветание нашей стране... Опять же нашим рабочим живется куда вольготнее – разве это плохо? То-то. У нас есть правило: сначала разработать новинку, опробовать ее, а потом постараться начать изготавливать самим. Создали новинку, наладили производство – и нате вам: и рабочие места, и товар, и прибыль. Отсюда и такая служба безопасности, чтобы никто ничего не смог украсть. А как стало ясно, что войны с Японией не избежать, мы и завол-

новались. Ну за что они будут воевать в первую очередь? Что им понадобится от этой войны? Молчишь... Ну так я тебе объясню. Порт-Артур, Владивосток, Камчатка.

– Так ведь там везде предприятия концерна... – задумчиво произнес Зубов.

– Правильно. Вот и выходит, что мы готовимся не просто помочь нашей Родине в будущей войне, но еще и защитить себя, а также людей, за судьбу которых несем ответственность, чтобы им и дальше жилось хорошо. Вон Панков и Марков обосновались в Авеково и Магадане, иные в иных местах, опять же и вас куда-то нужно пристраивать – ведь слово вам дано, а на деле вы у нас пока получаете без кола и без двора.

– Ну это вы зря. Деньжат у меня в банке скопилось уже преизрядно, мне с вами интересно, и всем, кто в боевых отрядах, также, а насчет спокойной жизни – это еще успеется. Был один, кто уже хотел на покой податься, да вы ему всю охоту отбили.

– При чем тут Николай и я? Ты ведь об этом?

– Да не подумайте ничего такого, Семен Андреевич. Это я просто к слову. Так что найдется причина какая – так мы не постесняемся на покой попроситься и верим, что получим, но пока нам так интересно. Да только неужто у вас все только к деньгам сводится?

– Нет, не только. Я по-настоящему люблю Россию и, придется, грудью встану за нее.

– Уже стоите. Так что делать-то будем? Я так понимаю, что если мы ничего не сможем поделывать, то надо уходить.

– Успеем. Надо подумать и как-то выгнать отсюда наши корабли.

– А если сами уйдут?

– Тогда подождем и, если все само срастется, просто уйдем: мы под американским флагом, так что препятствий нам чинить не станут. Передай капитану: нечего стоять тут на отшибе, пусть перегоняет яхту поближе к берегу – здесь нам ничего не высидеть.

Уже на следующий день Зубов в очередной раз убедился в правоте командира. После полудня в порт вошли японские корабли, а часть из них остались у входа в гавань. С военных транспортов начали выгружаться войска. Три японских крейсера и четыре миноносца встали неподалеку от русских кораблей – не иначе как прикрывая на всякий случай суда, с которых началась выгрузка. Еще три стояли подальше, считай, на входном фарватере, как раз неподалеку от того места, где поначалу бросила якорь их яхта.

Зубов поначалу посетовал на то, что они сменили стоянку, но по зрелом размышлении понял: шансов удачно заминировать хоть один корабль у них не было. Да что же это получается? О чем думают эти командиры с эполетами на плечах? Как такое вообще возможно? Ну раз уж так, то уходить надо – вон какая силища припожаловала. «Варяг» – он, конечно, смотрится вполне грозно, но и японцы не на лоханках: вон у входа стоит громадина как бы не побольше русского крейсера. Про «Корейца» лучше вообще не вспоминать – он не смотрится даже на фоне мелких крейсеров, какой-то маленький и неказистый. Но нет, стоят себе спокойно и ничегошеньки не делают.

– Максим.

– Да, Семен Андреевич.

– Собирайся, с собой пару человек. Возьмите по паре наганов да по паре гранат.

– Может, маузеры?

– Слишком громоздкие, особо не спрячешь. Наганы поворотистей будут, да и не собираюсь я воевать – так, на всякий случай. Давай, живо.

– Есть, командир.

– Смотри в городе не брякни это – «командир».

– Понял, не маленький.

Семен проводил его задумчивым взглядом – сам он уже был готов, оставалось дожидаться только сопровождения. Эти сутки в Чемульпо он провел не без пользы дела. Вернее, Гаврилов не был в самом Чемульпо, а на поезде отправился в Сеул, где посетил российское пред-

ставительство, желая выяснить, что там известно о происходящем между Россией и Японией. Узнать удалось мало. Но даже то, что стало ему известно, свидетельствовало о том, что отношения ухудшаются с каждым днем, если не с каждым часом. Посетил телеграф, откуда отбил во Владивосток телеграмму об удачно протекающей сделке: правда, есть кое-какие нюансы, но если их удастся удачно разрешить, то сделка обещает большие прибыли. Антон все поймет правильно, поворчит – не без того, – ну и пусть, не может Семен иначе. Удалось выяснить и то, каким образом поступают депеши в посольство. Познакомился с уже немолодым чиновником, ответственным за переписку. Интересный такой дядька, домовитый и очень жадный. За то, чтобы воспользоваться правительственной линией, пользующейся первоочередностью, содрал по полной. Ну да, все к лучшему в этом лучшем из миров.

Парни появились уже через пять минут. Оперативно. Молодцы. Времени до отправления поезда на Сеул более чем достаточно. Успевают с запасом. А в столицу Кореи нужно было до зарезу. Во как нужно. Антон его без соли сожрет. Ну и пусть.

«Варяг» прибыл в Чемульпо двадцать девятого декабря, сменив на службе стационара, обеспечивающего интересы России в этом порту, крейсер «Боярин», который вскоре убыл в Порт-Артур: руководство решило, что нет необходимости содержать здесь слишком большие силы. Вскоре убыла и канонерская лодка «Гиляк» с секретными депешами, а еще несколько дней спустя ей на замену появилась канонерка «Кореец». Служба стационара отличалась невестной скукой, но если кому и было скучно, то только не командиру «Варяга».

Руднев Всеволод Федорович никогда не выделялся как знающий и умелый командир в отличие от своего предшественника. Многие отмечали, что уровень подготовки команды начал значительно скатываться с занимаемых ранее позиций, дисциплина стремительно падала, экипаж разбалтывался. Старания офицеров крейсера хоть как-то поддерживать порядок успеха практически не имели. Как гласит известная поговорка, рыба гниет с головы. Руднев оказался не тем командиром, который нужен был для командования кораблем, – по большому счету, он и сам понимал это и, возможно, именно потому с головой окунулся в политическую жизнь, где чувствовал себя как рыба в воде.

Стоит ли его осуждать за это? Пожалуй, что и нет. Тем более что человеком он был не робкого десятка – ну вот было у него другое призвание, не ту стезю он в свое время избрал, вот и вся вина. Новая роль дипломата ему пришлось куда больше: он без конца проводил время в посещениях командиров других стационаров, дипломатических приемах, не раз и не два ездил в Сеул к послу Павлову, окончательно забросив крейсер и свои служебные обязанности как командира боевого корабля. Тем временем на «Варяге» жизнь словно замерла – матросы предавались безделью и унынию. А что прикажете делать, если увольнений на берег нет и даже водку выдавать перестали? Скука.

И вдруг – как гром среди ясного неба: ультиматум от японского адмирала, требующего после полудня выйти из нейтрального порта, – в противном случае он атакует «Варяга» и «Корейца» прямо на якорной стоянке. Нельзя сказать, что это явилось большим сюрпризом: войны с Японией ожидали, но ведь посол не сообщал ничего подобного, более того – он утверждал, что никаких сведений о резком изменении обстановки между Японией и Россией он не имеет.

Вчера, двадцать шестого января, он отправил в Порт-Артур «Корейца» с дипломатической почтой, но тот не смог покинуть рейда. В узком проходе ему заступили путь три крейсера и четыре миноносца японского императорского флота, при этом выпустив по крейсеру три торпеды, а в ответ на это капитан второго ранга Беляев приказал открыть огонь из револьверной пушки. Успели сделать два выстрела, но потом опомнились, так как уже приближались к нейтральным водам, хотя успели повредить машину японского миноносца. Да и бог с ними. Хуже другое: в виду русских кораблей, под прикрытием своих крейсеров, японцы приступили

к высадке десанта. Вот это уже было куда серьезнее – ведь японцы взяли на прицел русские корабли.

Руднев отправился к старшему стационаров на рейде командору Бэйли, командиру английского крейсера «Тэлбот», – тот обещал непременно заявить протест по поводу враждебных действий японцев по отношению к русским в нейтральном порту.

А сегодня поступил этот вызов на «честный» бой. Сомнительное заявление, учитывая явный перевес японцев. О каком поединке может идти речь? Ну да не суть. Хуже то, что подобные письма были отправлены и на другие корабли-стационары. Разрешить дело мирным путем никак не удавалось: командиры нейтральных стран вроде как и были готовы поддержать нейтралитет порта, но, с другой стороны, были уже и готовы покинуть его до указанного японцами срока – шестнадцать ноль-ноль.

Вот тут-то Руднев и закусил удила. Ну не военным человеком оказался он по натуре: принять эффектную позу, гордо вскинуть голову и сказать, что русские привыкли не считать врага, а бить его, – смелое и гордое заявление. Только вот драться «Варяг» не мог: в данной ситуации он был в силах только прорываться, выжимая все возможное из машин. А как же «Кореец»?.. К тому же предстояло принять верное решение, чтобы впоследствии оно не аукнулось: ведь могут выдвинуть обвинение, что командир не смог в полной мере использовать нейтралитет корейского порта, чтобы сохранить корабли. Задача не из легких. Но решение выйти в бой принято, офицеры его поддержали – остальное покажет время. В крайнем случае можно будет отвернуть и возвратиться в порт.

Беляев, не желая задерживать «Варяга», предложил разделить и постараться самостоятельно выйти из трудной ситуации, но Руднев отказался от подобного решения. В предстоящем бою он сильно рассчитывал на два восьмидюймовых орудия канонерки, так как сам крейсер имел только шестидюймовые. То, что тихоходный «Кореец» будет сдерживать крейсер, Руднева не убедило.

Совещание уже заканчивалось, когда доложили о прибытии курьера со срочным известием от посла Павлова. У Руднева было мелькнула надежда, что не все еще потеряно. Он лично исчерпал уже все свои ресурсы на дипломатической ниве, стараясь избежать боя, но, может, не все столь безнадежно и Павлов сумел-таки найти выход...

Не судьба. Это было распоряжение наместника царя на Дальнем Востоке вице-адмирала Алексева. Распоряжение четкое и емкое, не подразумевавшее никаких недоговоренностей. Если коротко, то наместник приказывал командиру «Варяга» идти в Порт-Артур, минуя какие бы то ни было нейтральные порты. Если случится так, что путь окажется прегражденным, прорываться с боем, развив полную скорость, на которую вообще способен крейсер, ни на минуту не сбавляя хода, не прибегая ни к каким маневрам. Крейсер обладает достаточной скоростью – и чтобы прорваться, и чтобы уйти от возможной погони. Ровно через двадцать часов на траверзе Порт-Артура крейсер будет встречен основными силами флота Тихого океана.

Командиру «Корейца», дабы не стеснять своим тихим ходом «Варяг», предписывалось, используя низкую осадку корабля и мелкие глубины в шхерах близ Чемульпо, прорываться самостоятельно и по способности. В случае невозможности прорыва Беляеву дозволялось самостоятельно принять решение либо о принятии решительного боя, либо о выбросе на мель и уничтожении корабля, дабы тот не достался противнику. В случае прорыва в открытое море иметь курс на Порт-Артур, на траверзе которого его будут ожидать через двое суток.

Вот как хочешь, так и понимай, но ни влево, ни вправо шагнуть – ни-ни. Приказ не подразумевал под собой никаких коллизий. Никакой тебе дипломатии, никакого намека на нейтралитет порта: прямолинейно, по-военному четко. Есть воинский долг. Извольте исполнять.

В душе Руднев испытал облегчение, так как решение было принято за него, а ему оставалось его только исполнить. Опять же это ни в коей мере не умаляло его достоинства перед командирами стационаров, которым он с гордым видом сообщил и намерении принять бой.

Подспудно еще имелась надежда на то, что японцы все же не столь уж и хорошие вояки, – как известно, любой предмет цивилизации в руке дикаря превращается в бесполезную вещь, – так что, возможно, все не так плохо.

В одиннадцать тридцать русские корабли снялись с якоря и двинулись на выход с рейда. До острова Идолми условлено идти вместе. Руднев не спешит. «Варяг» картинно медленно движется мимо итальянского крейсера, на котором выстроился экипаж, провожая русские корабли на смертельную схватку. Взгляд на другие корабли иностранцев – там тоже заметно движение. Что ж, желаемое достигнуто: неизгладимое впечатление он произвел – теперь пора выполнять свой воинский долг и распоряжение наместника.

«Кореец» за это время успел уже набрать максимальный ход, и, учитывая попутное течение, его скорость никак не меньше семнадцати узлов – так быстро этот кораблик еще не бегал в своей жизни. «Варяг» тоже ускоряется. В тот момент, когда он поравнялся с канонеркой, та уже приближалась к Идолми, крейсер продолжал двигаться вперед, развив максимальную скорость, какую вообще можно развить без большого риска при движении по фарватеру, а с учетом попутного течения – это около двадцати узлов. В машинном отделении прекрасно осознают, что их жизни в настоящий момент зависят не от таланта командира, не от точности стрельбы комендоров: сейчас все решают машина и скорость.

Ради этого механики готовы пойти на многое, вплоть до перекрытия предохранительных клапанов, чтобы поднять максимально возможное давление пара, – оно превышает то, что было применено на испытаниях, а тогда крейсер сумел перевалить двадцатитрехузловую отметку. Есть кое-какие неполадки – опять же подшипники на валах могут перегреться, с этим уже были проблемы. Но кто сказал, что нельзя? В особых условиях, кратковременно, вполне возможно – все же это позволит оторваться от погони. А условия куда уж особеннее. Другое дело, что моряки к этому готовы, но команды выдать полный ход нет. Опасно: чем выше скорость, тем больше радиус разворота, что совсем не желательно в узости прохода. «Варяг» и без того идет с запредельной для этого места скоростью.

Семен наблюдал за происходящим, находясь на вершине горы острова Идолми, вытянувшегося своеобразной каплей в сторону выхода из фарватера. Несмотря на то что склоны были покрыты лесом, сама вершина была голой, словно плешь. Ветра практически нет, соответственно нет и волны, воздух чистый и прозрачный – идеальные условия для артиллерийской дуэли, вот только Гаврилов был бы рад несколько иному раскладу.

Рядом расположились два кинооператора из команды Гаврилова. Один из них снимал русские корабли, другой – японские, так как охватить их разом никак не получалось. Ничего, потом смонтируют.

Эта блажь принадлежала Звонареву. Имеющиеся кинокамеры были слишком громоздкими и далекими от совершенства, поэтому была выделена отдельная статья и привлечен специалист для разработки более совершенного аппарата. Звонарев всерьез хотел озаботиться кинохроникой. Сейчас синемаатограф был в самом зачаточном состоянии, но у него был огромный потенциал. В Порт-Артуре была организована целая студия. Киносъемки с полей сражений... Это не только история – это большие прибыли, очень большие. Другое дело, что готовы были только четыре кинокамеры, кстати, с пружинным заводом, а не с допотопной ручкой, и куда более компактные. Пленка закупалась за границей, но это несущественно – главное, что ее было в достатке.

Две камеры с проверенными операторами, фактически сотрудниками службы безопасности, были направлены с Семеном. Процесс подготовки боевых пловцов они собирались ставить на поток, а для обучения нужны и учебные кинофильмы. За прошедшие месяцы они уже успели отснять многие километры пленки, которые затем будут смонтированы в учебные пособия, но это не для широкого круга. Гаврилов не смог удержаться, чтобы не запечатлеть бой

«Варяга» и «Корейца»: вот это уже можно будет продать. Какую сумму за это можно получить, он даже не представлял.

По фарватеру слева и сзади от занимаемого Семеном наблюдательного пункта сейчас весьма ходко шли два корабля – первым «Кореец», вторым, отставая примерно на четыре кабельтовых, «Варяг». Справа расположился «комитет по встрече» из шести разномастных крейсеров, что, впрочем, не делало их менее грозными противниками, и трех миноносцев. Вот русские прошли определенную точку. Теперь им уже не отвернуть вправо, и японские крейсера приходят в движение – русским никуда не деться. У них только один выход: идти прямо или, после Идольми, отворачивать влево. И в том, и в другом случае адмирал Уриу перехватывает Руднева. Вот если последнему удастся отеснить японцев дальше по проходу – тогда у него появятся варианты, чтобы уйти одним из трех проходов, открывающихся после этого острова.

Семен внимательно наблюдает за происходящим: оптика у него прекрасная, приближение великолепное. Нет, всех деталей при осмотре кораблей ему не рассмотреть, но видно все же хорошо. Вот противники движутся на пересечку, хотя сейчас они друг друга не видят, будучи в створе острова. «Варяг» обходит «Корейца», оставляя его сзади и слева. Но вот остров больше уже не может служить препятствием – и японцы открывают огонь. По всему видно, что они собираются вести бой на больших дистанциях. Их можно понять: «Асама» имеет четыре восьмидюймовых орудия против двух у «Корейца», основная артиллерия «Варяга» состоит только из шестидюймовых. Бой идет на острых углах, поэтому обе стороны могут вести огонь, задействуя только малую часть своей артиллерии. Но японцы, используя большее количество кораблей, все же одновременно могут противопоставить куда большее число стволов, нежели русские.

Первый залп. Хорошо бьют японцы – не все, но все-таки, – с первого же залпа берут русских под покрытие. Попаданий нет, но вокруг «Варяга» вздымаются водяные столбы. Нет, это не всплески, а именно разрывы: японские снаряды обладают очень чувствительными взрывателями, которые детонируют при ударе о воду.

Русские ответили. Видны всплески со значительным недолетом, а это говорит только об одном: неверно определено расстояние и соответственно выставлен угол возвышения. Похоже, занятия по боевой подготовке на русском крейсере были в загоне, а это дело такое: чуть запустил – и пожалуйста результат. Или отсутствие оно, что, впрочем, тоже результат, правда, отрицательный. Японцы тоже не все снайперы – многие снаряды прошли с недолетом и перелетом, но как минимум половина из них упала рядом с целью.

Артиллерийская дуэль длится уже несколько минут, ни одна из сторон не добивается успеха. Японцы никак не могут достичь попаданий, русские... Нет, ну обидно же! Мажут и мажут безбожно! Более или менее действуют комендоры с «Корейца» – их снаряды ложатся вблизи от крейсера, который Беляев выбрал себе в качестве цели, другие корабли закрывает вырвавшийся вперед «Варяг» – кого именно, Семен разобрать не мог, но вроде «Такачихо», – однако попаданий нет. «Варяг» вообще выпускает снаряды в белый свет как в копейку – такое впечатление, что дальномерщики называют среднепотолочные цифры, основываясь на только им известной методе. Да стреляй комендоры на глазок – и результат был бы таким же, а может, даже и лучше.

Семен наблюдал за происходящим, сжав челюсти так, что побелели скулы. За последние годы он сильно изменился. Вваленные на него обязанности и специфика работы сами наложили на него свой отпечаток, сделав его более хладнокровным и сдержанным, выявили его скрытые способности к управлению людьми, чего он о себе никогда не мог и помыслить, всегда бегая как черт от ладана от командных должностей. Но, окажись сейчас поблизости от него этот герой боя, ставшего легендой, – он просто и без затей набил бы ему морду. Не можешь командовать – не лезь. Положить людей в героической атаке может любой олигофрен в форме дебильности. Не виноват матрос в том, что его в свое время не обучили хорошо поль-

зоваться дальномером, – в этом вина командира, который не озаботился боевой подготовкой. Вон «Кореец» – да, не попадает, но японцы совсем не чувствуют себя как на курорте, после каждого выстрела канонерки опасаясь попадания, а соответственно делают ошибки и безбожно мажут, хотя, может, и там такие же неучи.

На баке «Варяга» вспухает клуб черного дыма: японцы добились-таки первого попадания. Но не единственного – вслед за первым разрывом еще два, причем один из них отличается от первых двух: понятно, восьмидюймовый прилетел. Отчего-то вспомнилась песня Высоцкого «Вдали пожар и смерть»... Пожар действительно разгорелся, без смертей, скорее всего, тоже не обошлось. Семен наблюдал, как мечутся фигурки команды корабля, но доподлинно разобрать, что там творится, не мог. Сейчас надо постараться еще увеличить ход – возможность такая есть, японцы ведут огонь на отходящих курсах и, как видно, неплохо пристрелялись, так что увеличение хода несколько собьет пристрелку. Правда, опасно в узости прохода, и не больно-то он и глубок, но что-то делать надо – сейчас идет война, и риск – это непреложный спутник командиров всех степеней. Либо, наоборот, уменьшить ход, что собьет пристрелку еще больше, но это нежелательно: во-первых, русские идут на прорыв и скорость играет немалую роль, во-вторых, сокращение дистанции сделает огонь русских хоть сколько-то эффективным, чего не скажешь, если скорость будет уменьшена и японцы сохранят свое преимущество в дуэли на больших дистанциях. Можно еще применить маневр, но Семен не советовал бы этого делать. Ширина фарватера вполне позволяла подобное, да вот заклиненный не вовремя руль мог стать очень большой проблемой – эдак можно и на мель выскочить под огнем противника. Так что Рудневу оставалось только рвать по прямой, проламываясь сквозь японцев, как носорог сквозь заросли. Правда, у этого животного шкура достаточно толстая и не особо страдает от ссадин и царапин, чего не скажешь о «Варяге», но, как говорится, на войне как на войне.

«Кореец» отклонился в сторону, склоняясь в сторону прохода к Мозампо. Два японских концевых крейсера идут ему наперерез – если ничего не произойдет, канонерка не успеет войти в проход: все же скорость крейсеров повыше, – но, как видно, они не больно-то и спешат сокращать дистанцию – два восьмидюймовых орудия внушают уважение.

«Варяг» получает еще одно попадание, каким снарядом – Семен затрудняется определить, тот разрывается внутри корпуса, но, видно, все же восьмидюймовым: крейсер содрогнулся всем корпусом и словно запнулся, скорость начала снижаться, Гаврилов как будто чувствовал это. И вдруг раздался взрыв, который заставил обратить на себя внимание, так как выбивался из общего звукового фона. Он едва успел перевести оптику на японские корабли, когда заметил, как «Асама» окутывается черным дымом... Нет, не так: ее словно какой-то страшной силой распирает изнутри и разбрасывает по морю обломки корпуса, мгновение – и от носовой части ничего не остается, а останки корабля, окутанные дымом и паром, ныряют в морскую гладь, словно рыбка. Это что же получается – русские комендоры добились-таки своего единственного попадания, и снаряд, пробив броню борта и переборки, угодил в артиллерийский погреб? Бред. Понятно, что у японского крейсера броня не столь уж высокого качества, но ведь и расстояние не меньше двадцати кабельтовых. Может ли шестидюймовый снаряд на такой дистанции обладать такой энергией? Сомнительно.

Гаврилов оторвался от оптики и посмотрел на стоящего рядом Зубова. Тот выглядел ничуть не менее ошарашенно, во все глаза пялясь в море.

– Не иначе как в артиллерийский погреб угодили. А, командир?

– Возможно. Возможно, – взволнованно, но все же с задумчивым видом произнес Семен.

Потом взгляд в сторону кинооператоров – у них четкий приказ снимать, что бы ни произошло, ни на секунду не отвлекаясь и не выключая камер. Даже смена киноплёнки и перезавод аппаратов должны быть синхронными, чтобы потом можно было реально, в хронологическом порядке совместить действия русских и японских кораблей. Ничего, он потом посмотрит, что там было и как.

Бой на время словно замирает: все слишком удивлены произошедшим. Обе стороны прекратили огонь, на русских кораблях, скорее всего, сейчас все охвачены небывалым ликованием. Есть от чего. Японцы просто растеряны. И их понять можно. Тем временем корабли продолжают двигаться прежними курсами. Японцы словно убегают, русские гонят их перед собой. Только «Чиода» спешно отворачивает в сторону, чтобы не врезаться в останки крейсера, так как до этого шел у него в кильватере, но тоже не стреляет.

Наконец все вновь пришли в себя, и бой возобновляется с новой силой. «Кореец» дает очередной залп из носовых орудий. Ну вот. Давно бы так. ОБА снаряда попадают в «Такачихо». Один снаряд бьет по мостику, выворачивая металл, – похоже, хана боевой рубке, но в дыму не больно-то и рассмотришь. Второй прошивает борт и разрывается где-то в недрах крейсера, который тут же окутывает сначала паром, а затем и дымом разгорающегося пожара. Давно бы так. Корабль резко теряет скорость, и идущий следом, это, кажется, «Акаси», вынужден немного отвернуть. Его и без того малорезультативная, мягко говоря, стрельба превращается в сущий фарс, так как снаряды летят вообще в непонятном направлении.

Два крейсера, один из которых под флагом адмирала Уриу, вновь открывают огонь по «Варягу» – и вновь один из снарядов бьет в борт русского корабля под правую скулу. Судя по всему, как минимум подводная пробоина.

Отвернувший «Чиода» задействует все орудия левого борта, но прицел уже сбит, и им не удастся взять под накрытие русский крейсер. «Варяг» может ответить только одним носовым орудием: всплеск снаряда наблюдается с явным перелетом. Впрочем, русским этого не видно – всплеск укрыт корпусом японца, а вот взметнувшегося огромного водяного столба под левым бортом «Чиоды» не увидеть просто невозможно. Не иначе как снаряд угодил в торпедный аппарат – иначе никак такого не объяснить даже самому махровому приверженцу русского оружия: нет у снарядов столь огромной разрушительной силы. Другое дело, что два чуда совершились буквально за пару минут, причем если попадание в торпедный аппарат хоть как-то можно было притянуть за уши, то снаряд среднего калибра, преодолевший броневой пояс и угодивший в артиллерийский погреб, выглядел просто фантастикой.

Нет, на войне есть место случаю, истории известны примеры, когда в безнадежной, казалось бы, ситуации командиры и их подчиненные, стоявшие до конца, выходили победителями против превосходящего противника. Но, как бы выразиться поточнее, такое количество благоприятных случайностей на единицу времени... Бред. Нет, все случается, но всему есть предел. К тому же на этот раз Семен готов был поклясться, что видел всплеск от снаряда. А может, померещилось?

– Та-ак, якорная цепь. Значит, кот из дома – мыши в пляс?

– О чем это вы, Семен Андреевич?

Семен Андреевич, значит. А рыльце-то в пушку, или морда в сметане, или на воре шапка горит? Ну раскудрить тудыть твою через коромысло!

– Мне есть необходимость проводить инвентаризацию снаряжения? – буравя злым взглядом Зубова, прорычал Гаврилов. Медведь. Вот как есть медведь. Того и гляди разорвет на части.

– Нет, – понурившись, выдохнул Максим.

– Никто не пострадал? – совладав с собой и вздохнув, поинтересовался Семен.

– Не знаю. – Плечи Зубова опустились еще ниже.

– Мне что, все клещами из тебя тянуть?! Якорь тебе в седалище! Доклад, унтер Зубов! – опять взревел Гаврилов. Вот поди не отреагируй на такой рык.

– Есть, доклад, – вскинулся Зубов, вперив взгляд в начальника.

Все просто как мычание. Зачем изобретать велосипед, если он уже есть, – можно только немного модернизировать: ну там ручные тормоза приделать или несколько звездочек на заднее колесо, чтобы, значит, скорости разные. Да, течение быстрое, и никто на крейсерах, что

были на рейде, глаз не сомкнул – к ним никак не подобраться без всплытия. Опять же если промазал, то скутер обратно, может, и вытянет, но сколько он на максимальных оборотах работает? Заряда батареи может и не хватить, и, скорее всего, и не хватит. А вот те, что стоят вдалеке, в нейтральных водах, – с ними очень даже может получиться. Далеко, правда. Вот тут-то велосипед и пригодился.

Пока Гаврилов с парнями был в Сеуле, откуда вернулся только утром, группа пловцов под командованием Пака, впрочем уже Кима, вполне незаконным путем завладела лодкой, а попросту – умыкнула ее. После чего, взяв на буксир скутеры и погрузив снаряжение и мины на борт, весело повизгивая и усиленно работая веслами, они устремились в дальнюю дорогу. Как дальше развивались события, Зубов не знал. До первого взрыва он даже не догадывался, удалось ли им вообще добраться до цели. Но, как видно, все срослось. Знал только, что забрать их нужно было где-то ниже по течению: они подадут сигнал – если днем, то дымом, если ночью, то светом фонаря.

– Ну и как это понимать?

– Я и сам ничего не знал. Узнал, только когда мы вернулись.

– А потом почему не доложил? Молчишь. Ну тогда я скажу. Парни, разгоряченные греблей, полезли в ледяную воду. Даже если у них все срослось удачно, несмотря на теплую поддевку, они как минимум заработают воспаление легких. Тепла после такого плавания им не найти, так что заболеют гарантированно, если сердце от переохлаждения не остановится и не отдадут богу душу. Это одно, второе – это оборудование. Ты понимаешь, насколько важно сохранить все это в тайне?

– Теперь да.

– Ни хрена ты не понимаешь! Дай только бог, чтобы с парнями и снаряжением все было в порядке, – я с вас семь шкур спущу. Уклунки.

– Но вы ведь говорили, что в таком снаряжении больше полутора часов можно... – нерешительно начал было Зубов, но Семен его перебил:

– Можно и в куда более холодной воде, вот только нужно надевать сухое белье и на сухое тело, а эти уклунки наверняка обо всем напрочь забыли. – С уверенностью этого утверждать было нельзя, но только тренировок в студеной воде у парней не было, а потому опасения их командира, что они могли все напутать, были небезосновательными.

Процедив последнее сквозь зубы, Семен вновь вооружился биноклем. К тому моменту как закончился этот разговор, ситуация несколько переменилась. На корме «Варяга» всюду бушевал пожар, из артиллерии действовало только одно шестидюймовое орудие и пара трехдюймовок, остальные либо были неисправны, либо просто не могли стрелять. У японцев возгораний вроде бы не наблюдалось, хотя над крейсером, получившим пару попаданий от «Корейца», еще вился дым, сам он отваливал в сторону своей якорной стоянки, одна труба не действовала – как видно, досталось ему изрядно, он едва ковылял и немного рыскал по курсу. Огня он не вел.

Осмелевший и воодушевленный Беляев, получив теперь наконец возможность поддерживать огнем «Варяга», так как тот несколько вырвался вперед, сделал первый залп по головному японскому крейсеру – им был «Нанива» под адмиральским флагом. Снаряды упали по бортам крейсера, цель попала под покрытие, но попаданий не было. Если бы он был развернут бортом, то возможно... А так – мимо. Вот вроде бы и причина отойти, так как «Акаси» сближается с парой крейсеров, все еще ведущих бой, – при этом он усиленно обстреливает канонерку из орудий правого борта, имея возможность задействовать их все, но у него пока не получается даже взять русских под покрытие.

И тут происходит то, чего так боялся Семен. Если бы японцы не понесли столь существенных потерь, то они продолжали бы вести бой на отходе, постепенно открывая одну из лазеек для русских, которой бы они и воспользовались, не случись ничего непредвиденного.

Но потери были просто ужасными. «Чиода» уже практически опрокинулся – в бою он не принимал участия с момента взрыва, – «Асама» уже на дне, немногие моряки еще продолжают бороться за жизнь в ледяной воде, но долго им не протянуть: спасти их некому. Адмиралу Уриу предстоит нести ответ за потерю двух крейсеров в бою со всего лишь одним крейсером и канонеркой. Выпустить русских он уже никак не мог. Отряд начал разворачиваться к противнику левым бортом, чтобы выйти на пересечку курса: потери и без того ужасны, адмиралу больше нечего терять. Все четыре крейсера, идя уступом, сосредотачивают огонь на «Варяге», напрочь игнорируя «Корейца» и его восьмидюймовые орудия.

Вода вокруг русского крейсера вновь вскипела от множества падающих снарядов. Вот опять попадание в правый борт: гарантированная пробоина, и на этот раз – это не носовой, самый маленький отсек, – еще два попадания в носовую часть палубы и в район боевой рубки. Что там произошло, непонятно. Вероятно, Руднев как раз хотел предпринять маневр, чтобы выскочить из-под огня, но, как видно, руль заклинило. «Варяг» начал циркуляцию вправо, явно неуправляемый. Снаряды сыпались на него ливнем, но тот, находясь в постоянном движении, уходил из-под накрытия. Будь руль завален больше – и корабль, описав циркуляцию, лег бы на обратный курс, но руль заклинило в неудобном положении, дуга, описываемая крейсером, была слишком пологой, и судя по всему, его просто должно было вынести на мелководье, за островом Идольми. Появился крен на правый борт, пока незначительный, но, скорее всего, он будет расти – пока не критично: вероятно, водоотливная система работает не в полную силу.

Наконец корабль вновь управляется, и ему удастся заложить более крутой поворот, избегая посадки на мель. Но он опять разворачивается к противнику избитым правым бортом. Несмотря на это, в строю четыре шестидюймовых орудия, дистанция едва ли пятнадцать кабельтовых, осатаневшие японцы насаждают, ничуть не опасаясь русского или наплевав на опасность. «Варяг» дает залп – и сразу же добивается попадания в «Наниву»! Старый крейсер держит удар, но окутывается паром – видно, перебит паропровод. Ответные залпы японских крейсеров – и сразу два попадания, которые вызывают пожар где-то в недрах русского крейсера.

Теперь противники идут сближающимися курсами, русский старается обогнуть Идольми и войти в главный фарватер – видимо, он уже и не думает о прорыве, – японцы стремятся отрезать его от возможности ускользнуть в нейтральные воды. Уриу явно жаждет крови: его флагман потерял в ходе, но упрямо тянет за остальными кораблями, волочась в хвосте, вместе с «Такачихо», – при этом они ведут непрерывный обстрел русских.

Беляев имел возможность уйти в тот момент, когда осатаневшие японцы разом навалились на «Варяга», но «Кореец» не стал продолжать прорываться к проходу – в конце концов, в приказе была приписка «действовать по способности», вот он и действует. К черту все, «сам погибай, но товарища выручай». Именно так его учили в свое время, именно так он служил все это время. Канонерка быстро, насколько это вообще возможно, сократила дистанцию, ведя непрерывный обстрел теперь уже головного «Ниитаку», но попаданий пока не добились. Однако теперь угол уже не такой острый, и «Ниитака» получает возможность ввести в бой два орудия с правого борта по канонерке, одно орудие способна ввести «Акаси» – и ее первый же снаряд попадает в носовую часть палубы: первое попадание и первые жертвы. Но Беляев продолжает сближаться с противником. Вот наконец сумятица, вызванная попаданием, проходит, орудия вновь готовы к бою. Залп. Есть. Головной «Ниитака» получает восьмидюймовый гостинец в борт выше ватерлинии, содрогнувшись всем корпусом, из пробоины вырывается черное облако – как видно, попали в угольную яму. Но вскоре два других японских крейсера также получают возможность вести огонь по канонерке, одновременно не прекращая обстреливать крейсер. Снаряды начинают падать довольно густо, но попаданий пока нет.

– Семен Андреевич, эдак и в нас могут садануть.

– Ерунду не говори. Или решил отвлечь, чтобы я забыл про ваши выкрутасы?

– Вы забудете, – многозначительно вздохнул Зубов, но потом встрепенулся: – А здорово все же ребята сработали: р-раз – и двух крейсеров как не бывало.

– Здорово, здорово, – уже значительно успокоившись, вздохнул Гаврилов. – Вот только бесполезно. Сдастся мне, «Варягу» конец все одно. Дай-то бог, чтобы это никак не связали с подводными диверсантами.

– А что так-то? Ну свяжут, а что они могут?

– Много чего, олух ты царя небесного. Могут на каждой стоянке начать выставлять противоминные сети или просто сети: как только сеть зашевелилась, бомбу за борт – и получите оглушенного диверсанта. Ну это как вариант. Другой вариант – их подводные пловцы, атакующие наш флот. Сложного-то ничего, важна идея, а если еще и наше снаряжение к ним попадет... Лучше сразу повесьтесь, ей-богу, проще будет.

Тем временем, несмотря на плотный огонь, «Варяг» все же пробился к основному фарватеру – было заметно, что движется он с натугой, крен увеличился еще больше, но до угрожающего все еще далеко. Как и ожидал Гаврилов, крейсер отвернул в сторону гавани. «Кореец», успевший получить еще одно попадание, поковылял за ним: теперь нечего было и думать, чтобы уходить, момент был упущен. Японцы преследуют их, но недолго – как только русские пересекают границу нейтральных вод, Уриу все же прекращает погоню и обстрел, русские для него теперь недосыгаемы. Находящиеся в гавани корабли нейтральных стран – весьма весомый аргумент. Не дай бог попасть в кого – это похлеще потери двух крейсеров будет. Русским деться некуда, а он подождет. В конце концов, он объявил иностранцам, что в шестнадцать часов войдет на рейд и даст бой «Варягу», если тот не выйдет. Он вышел, но спор еще не закончен, а потому Уриу подождет, а как подойдет время, войдет и поставит на этом точку.

Гаврилов стоял на палубе «Светланы» и смотрел на то, как недавно еще гордый красавец, а теперь избитая гора покореженного металла стоит на якорной стоянке. Крен значительно увеличился и продолжал угрожающе расти. Судя по рассказам Антона, крейсер в прошлой истории пострадал значительно меньше, «Кореец» вообще не получил попаданий. Но в этот раз все было по-другому. Конец один: вон прославленный «Варяг» стоит и кренился на правый борт, все больше окутываясь дымом разгорающегося пожара, с его борта сходят уже последние члены экипажа, вот с палубы сходит высокий офицер, весь в бинтах, прямо как в той песне: «Голова обвязана, кровь на рукаве...»

«Корейца» уже отвели в сторону, с него также спешно сходят, и шлюпка отваливает от борта. Гребцы усиленно налегают на весла, стремясь как можно быстрее отойти от корабля. Наконец раздается оглушительный взрыв.

– Мы сами взорвали «Корейца», и нами потоплен «Варяг».

– Складно, Семен Андреевич.

– Складно, Максим, складно. Ладно, давай сниматься с якоря: пора ребят разыскивать.

Он постарался лишить Руднева и Беляева выбора, подбросив им фальшивую телеграмму от наместника царя на Дальнем Востоке. Парни пошли дальше и с риском для жизни сумели заминировать два японских крейсера, причем один из них основной противник «Варяга», но даже потеря двух крейсеров ничего не решила – старушка вцепилась в русский крейсер мертвой хваткой и не пожелала нипочем его выпускать. Что же, по меньшей мере, минус два крейсера, а вскорости станет известно, насколько удачно или неудачно, об этом думать не хотелось, сложились дела с «Нисином» и «Касугой». Если все нормально, то затея с пловцами уже себя оправдала, уменьшив японский флот на три броненосных крейсера. Конечно, «Чиода» вроде как тоже броненосный, но этот так, мелковат, и артиллерия так себе, к полноценным броненосным его никак не отнесешь.

Парней нашли быстро. Не рассмотреть «Светланы» с ее распущенными парусами нужно было сильно постараться, как, впрочем, и черного столба дыма от подожженной лодки. Пла-

мени практически не было – не иначе как забросали чем-то, чтобы чадило получше. Ну да и бог с ним. Главное, нашлись.

Снаряжение было в полном порядке, если не считать напрочь разряженных аккумуляторов. С парнями тоже все слава богу: не забыли-таки, что обряжаться нужно только в сухую поддевку. Шерстяная, облегающая тело, вкупе с резиновым гидрокостюмом с манжетами, она вполне позволяла пробыть в ледяной воде около полутора часов без каких-либо последствий для здоровья. Но парням досталось – двое умудрились обморозить себе руки, один лицо и уши, слоник, тудыть твою, только один обошелся без какого-либо ущерба для здоровья, но довольно щерились все. Герои, якорь вам в седалище.

– За успешно проведенный рейд и потопление двух крейсеров противника объявляю благодарность и премирую группу десятью тысячами рублей. За самоуправство, нарушение дисциплины, самовольное оставление расположения в боевых условиях объявляю десять суток ареста и хозработ. Лично прослежу, черти полосатые.

– Есть, десять суток ареста и хозработ. – Вот вроде и наказали, а лыбятся, словно золотой нашли, хотя и нашли, чего уж там, но только, сдается, не деньгам они радуются.

– Здравствуй, Сережа.

– Здорово, медведище! – Ну а как его еще-то назвать, если сграбастал в объятия так, что ни вздохнуть, как говорится, ни... Одним словом, ничего не получится. – Ты чего так задержался, должен был еще вчера прибыть?

– Должен был, да вот в Дальнем подзадержался.

– А телеграмму дать не мог?

– Как-то из головы выскочило, что ты здесь.

– И вообще – что ты там делал? Ах да. Ну и как тебе Дальний? – ухмыляясь, поинтересовался Звонарев.

– Ничего особенного, я на него в свое время насмотрелся. Давай лучше пройдем в мою каюту. – Дело происходило на палубе «Светланы». Едва заметив, что та входит в гавань, Звонарев тут же бросился к ней, оседлав концерновский катер. Сергей ничуть не возражал против уединенной беседы. – Я тут на рейде случайно заметил «Енисея» и «Боярина». Поправь, если я ошибаюсь, но сегодня первое февраля, или я что-то напутал? – когда они уже находились в каюте, тихо спросил Гаврилов.

Понятно, что вокруг только проверенные люди, которым было известно достаточно многое, да только не все, а потому поберечься стоило.

– Тогда все сначала. В Артуре ничего не изменилось, «Ретвизиан», «Цесаревич» и «Паллада» подорваны, все как в известной истории. Утром был артиллерийский бой, но опять-таки никаких изменений. Вот только...

– Что «только»?

– Понимаешь, жаба задушила отдавать «Маньчжурию», с ее грузом. Одним словом, вечером я вышел в море, поутру повстречал транспорт и сообщил его капитану, что лучше бы сменить курс. К Дэве он не попал, но откуда ни возьмись появился японский миноносец, который все же едва не уволок пароходик. В общем, сожгли мы его, а потом то ли артиллерийский погреб взорвался, то ли запасная торпеда, но он затонул. «Оборо» – в известной нам истории он в числе погибших не числился.

– Нормально. Значит, ты решил, что раз пошла такая пьянка и Антон все одно выживет, попытаться спасти «Боярина»?

– Не только «Боярина», но, как видишь, и «Енисея», и, что важнее, его командира Степанова. Золотая голова, скажу тебе, но тогда погиб глупо – каста, мать ее, не захотел оставить корабль.

– Но как тебе это удалось?

– Да просто все. Так как никто меня слушать не стал бы, да и мины все одно нужно ставить, свел знакомство со Степановым. Он был просто в трансе от нашей идеи мины с якорь-тележкой. А что – и дешево, и сердито. Так вот напросился я к нему на борт, а с собой потащил Фролова с «горским» – ну вроде как испытать в море, если вдруг какая мина всплывет. Всплыли несколько мин, ну мы их и расстреляли из пулемета. Кстати, машинкой все впечатлились – затискали пулеметик, чуть воронение не стерли, ну и постреляли, не без того.

– А подорвался бы «Енисей», дурья ты башка?

– Я что, камикадзе? Держался бы подальше, да и Фролова зря, что ли, с собой тащил? Вырубили бы Степанова и эвакуировали. «Боярина» потом как-то перехватывали бы, но все срослось. Слушай, ну и геморрой они устроили из установки мин – неудивительно, что наша задумка произвела такое впечатление. А у вас как? Где вас вообще носило?

– Антон решил, что два итальянских крейсера – для японцев слишком жирно будет. Вот и решили мы их заминировать и отправить на встречу с Нептуном.

– Понятно. Кстати, могли бы и сказать. Развели секретность дальше некуда. Ладно, так, значит, так. И что итальянцы?

– Все прошло как по маслу. Ну или почти как по маслу. Гарибальдийцев мы заминировали, а там все зависит от того, насколько хорошо были сработаны мины.

– Ты говори, да не заговаривайся. Мины сработаны в лучшем виде.

– Тогда на этих двоих тоже можно ставить крест.

– Что значит «тоже»?

– А то и значит. Знаю, Антон с меня голову снимет, но не мог я иначе. Крейсера заминировали без проблем – я даже не ожидал, что все так легко пройдет, да так, что еще и большая фора по времени вышла, вот и рванул я в Чемульпо.

– И?.. – Звонарев даже подался вперед.

– И ничего. Нам Антон рассказывал, что «Варяг» мог бы прорваться: и огневой мощи, и скорости у него для этого было в достатке, но Руднев никак не мог бросить «Корейца», уничтожить тоже не мог – как-никак казенное имущество и за это придется держать ответ, – а канонерка вязала его по ногам и рукам. Вот и решил я разрубить этот гордиев узел. Подкупил чиновника в посольстве, тот сварганил фальшивую телеграмму от заместителя – мол, «Варягу» прорываться с боем и на полном ходу уходить в Артур, «Корейцу» действовать по способностям и шхерами тоже к Артуру.

– А заминировать японцев не пытался? Те вроде в гавань заходили...

– Как же, были. Вот только вода мутная, течение такое, что твои скутера не вытянут: раз промахнулся – второй попытки не будет, на яхту тоже не вернуться, глухой номер. Но мои орлы сподобились. Пока я в Сеул катался организовывать фальшивку, они сплавились к якорной стоянке у острова Ричи и заминировали-таки «Асаму» и «Чиоду».

– Ни «Варяг», ни «Кореец» в Артуре не появлялись. Может, в каком нейтральном порту появятся.

– И не появятся.

– Не сработали мины?

– Отчего же, очень даже сработали.

– Значит, старуха вцепилась мертвой хваткой. – Звонарев не спрашивал – это звучало как утверждение.

– Не то слово, – тяжело вздохнул Гаврилов. – «Асама» булькнула враз, так что только пузыри пошли, сдетонировал артиллерийский погреб. «Чиода» тоже недолго трепыхалась. Вот только адмиралу Уриу это настолько не понравилось, что он как бешеный набросился на наши корабли. Даже торпедировали «Варяга», когда он отходил в гавань. Миноноску, камикадзе хренову, «Кореец» приголубил из восьмидюймовки, да так удачно, что тот едва на дно не отправился, но сумел добраться до мелководья.

– Вас не вычислят?

– А как нас вычислишь? Был бой, а в бою все возможно, к тому же затонули крейсера не на мелководье, опять же там течение. «Асаму» разворотило так, что только на металлолом, «Чиода» не стоит потуг по ее подъему. Может, когда-нибудь, чтобы обезопасить плавание, но это когда еще будет.

– Понятно. И так как время еще оставалось, ты решил попытаться спасти «Боярина».

– Потому и пер, не жалея ни себя, ни людей, ни машины. «Енисей» спасти никак не успевал, а вот с крейсером хотел попробовать. Аника-воин, блин. Ни хрена-то у меня не выходит, вот ты – красавец, обставил по всем статьям. Но я так понимаю, Антон теперь нам точно холку намылит.

– Правильно понимаешь. Эх, жаль, ты не сумел снять бой.

– С чего бы это? Очень даже снял, да еще и с самого удобного ракурса: с вершины горы на Идольми.

– Не может быть!

– Еще как может.

– Да ведь это такое... Такое... Я помолчу про историческую ценность, но ты хотя бы представляешь, сколько мы сможем заработать только на этом?

– Пока нет. А ты?

– И я пока нет. Но много. Очень много.

– Слушай, Сергей, ведь ты не хотел во все это вмешиваться. Между тем то, что ты делаешь, никак не назвать стоянием в стороне.

– Понимаешь, Семен. Есть такое слово – присяга.

– Ты ничего не напутал? Присягу-то ты давал СССР.

– Присягу я давал в первую очередь своей Родине и ее народу, а какие при этом звучали слова – не суть важно, главное – то, как ты это понимаешь. Так вот это все та же Россия, и я ей уже однажды присягнул. Присягнул, не вызубрив текст присяги, а сердцем. Громко сказано, да?

– Нормально сказано – ни прибавить ни убавить. Но вот что ты скажешь Анечке?

– А ничего не скажу, отобью телеграмму или письмо отпишу. В конце концов, с Антоном передам о моем решении – он все одно здесь должен будет появиться. Вот пусть и отдувается любимчик наших жен.

– Ох и тяжело ему придется.

– Ничего, выдержит.

– Сергей, ты бы того... Подумал хорошенько, ведь тут не шутки будут твориться.

– Я последние несколько месяцев только об этом и думаю. Не могу я по-другому, понимаешь. Не могу – и все тут.

Глава 2

Назначение

Все складывалось как нельзя лучше, и Петр Афанасьевич даже старался об этом не думать, чтобы, не приведи господи, не сглазить. В его доме вновь царили тишина и благолепие. Впрочем, может, так все и должно было быть.

Известие о том, что его дочь безнадежно и безответно влюблена в Песчанина, он воспринял крайне негативно и был готов рвать и метать. Тем паче когда его юная и неразумная дочь решила вдруг ухаживать за больным Антоном Сергеевичем. На его взгляд, это было столь же неверно, сколь и непристойно. Однако ему пришлось убедиться в том, что характером дочка удалась именно в него, – такая же непреклонная, своенравная и целеустремленная.

Ладно бы этот промышленник отвечал ей взаимностью – ан нет. Песчанин часто общался с Петром Афанасьевичем, и надо признать, что это общение последнему было приятно. Дело обстояло вовсе не в том, что на малоизвестного офицера вдруг обратил свое внимание такой крупный и богатый промышленник Дальнего Востока. Деньги для Науменко значили мало. Ему было приятно именно общение с этим человеком.

Так сложилось, что Петр Афанасьевич стоял у истоков развития минного дела в русском флоте вместе с Макаровым, однако если последний являлся весьма разносторонней личностью и был способен управлять флотом, то Науменко прекрасно осознавал, что ему это не по силам, и завидовать тут было нечему. Однако он прекрасно разбирался в минном деле и был яростным сторонником активного использования в войне на море легких сил.

И тут вдруг в лице Песчанина, который сам подошел к нему, он получает не благодарного слушателя, а яростного сторонника его идей. Мало того – этот молодой человек, будучи столь далеким от военной службы, настолько глубоко и предметно рассуждал на эту тему, что повергал Науменко в оцепенение. Не раз Петр Афанасьевич указывал Антону Сергеевичу на его дилетантские ошибки в рассуждениях о тактике использования эсминцев в боевых действиях, а затем, когда спор уже оканчивался, он не мог успокоиться и продолжал всесторонне обдумывать прошедший разговор. Вот тут-то он и впадал в оцепенение. Он запирался в кабинете и подолгу обдумывал их разговор, чертил графики, диаграммы, схемы...

Так и сложилось, что на сегодняшний день у него на руках оказались рекомендации по использованию легких сил в условиях современной войны. Его личная концепция видения этого вопроса. Но к сожалению, он не имел никаких шансов чего-либо добиться, хотя и чувствовал, что сегодня способен организовать взаимодействие нескольких дивизионов эсминцев совместно с крейсерами в боевых условиях.

Однако он не мог себе и представить, что в то время, когда он и Песчанин увлеченно беседовали и обсуждали столь далекие от сердечных разговоров материи, его дочь, с жадностью ловя каждое их слово, все больше укреплялась в своей любви к Антону.

Упорство, с которым дочь добивалась его разрешения ухаживать за Антоном Сергеевичем, вдруг убедило Науменко, что это не детская влюбленность, а вполне сформировавшееся чувство уже выросшей девушки, оставившей своих любимых кукол пылиться на полке в память о безвозвратно прошедшем детстве.

Он не был готов противопоставить этому что-либо и потому принял единственно правильное решение. Просто отошел в сторону и стал наблюдать за тем, что из этого получится, готовый в любую минуту ринуться на защиту своей единственной дочери.

Однако здесь его ждало разочарование: защищать никого не пришлось. Молодые прекрасно поладили, и сегодня все шло к тому, что у него должен был появиться до неприличия богатый зять. Впрочем, молодые не особо торопились – во всяком случае, даже о помолвке

пока речь не заходила. Хотя тут-то, изведав нрав Светланы, отец был склонен думать о том, что от венца уклоняется именно Антон, а это его несколько беспокоило. Он любил Свету и переживал за нее, поведение же ее возлюбленного ему казалось несколько странным.

В кабинет, где сидел, размышляя над всем этим, Петр Афанасьевич, постучались, и, когда он разрешил войти, в дверях предстал тот, о ком, собственно, и думал глава семьи.

– А-а, Антон Сергеевич. Здравствуйте. Вы, верно, к Светлане?

– Да нет, я к вам.

– Неужели решились-таки просить руки этой егозы? Ну не стоит краснеть, как красна девица. Я уж и смирился с этим, и считаю выбор моей дочери верным, а вот ваша нерешительность мне, признаться, непонятна.

– Петр Афанасьевич, вы слышали, Макаров прибыл в Порт-Артур – и тут же принялся наводить порядок в доме. В день его прибытия наконец сняли с мели «Ретвизиан» и завели на внутренний рейд. Эскадра ликует и считает это добрым предзнаменованием.

– Степан Осипович не даст скучать этим лежебокам и научит воевать, не боясь высунуть свой нос в море, – деловито заявил Науменко.

– Вы ведь знакомы с ним?

– Да, я одно время служил вместе со Степаном Осиповичем.

– Теперь наконец настало время и вам походить в море и пощипать японцев.

– Не думаю, что это так. – Увидев недоумение во взгляде Песчанина, Науменко грустно улыбнулся и продолжил: – Понимаете ли, Антон Сергеевич, я служил вместе с Макаровым, даже был дружен с ним, хотя и служил-то непродолжительное время, но за это время успел с ним сильно повздорить, а Степан Осипович, при всей своей, надо признать, гениальности, человек весьма злопамятный.

– Но если ему показать вашу работу, над которой вы столь упорно трудились последний год, то это его убедит в том, что вас по меньшей мере неразумно держать в экипаже.

– Отнюдь. Если бы я уже командовал кораблем к моменту его назначения, то он относился бы ко мне совершенно объективно, но назначать меня на командование он не станет. Да и никто не станет. Сегодня стоит вопрос не о моем назначении, а уже о пенсии. Ну пока идет война, меня на всякий случай еще попридержат, а вот как только она окончится, меня с чистой совестью отправят на пенсию, да и пора уже.

– Петр Афанасьевич, но ведь вы столько сил вложили в эту работу, да и мои скромные рассуждения смогли использовать.

– Хочется славы, молодой человек?

– Не славы. За Россию обидно. НИИ под патронажем концерна за последние несколько лет разработал много интересного и весьма полезного. А где результат? Разработанный Горским пулемет остался невостребованным. Работа Назарова произвела впечатление, но умников под шпиром не задела за живое. Сегодня американцы подбираются к Игорю Ивановичу, чтобы получить лицензию на производство его двигателя, а у нас даже не чешутся – так и гонят самодвижущиеся мины по старинке. Миноносец, разработанный совместно с вами, остался невостребованным: дороговат – из-за сварного корпуса цена вышла несколько завышенной. Те же «Соколы», при схожих размерениях, строят более чем в полтора раза дешевле. Но ведь это только начало: именно за сваркой будущее! Но этого не понимают. В Нижнем Калашников сумел разработать новые котлы, испытания прошли успешно, эсминец бодро ходит с нефтяным отоплением. И что? Вот уже больше полугода вопрос с переоборудованием кораблей новыми котлами висит в воздухе. Мало того – на строящиеся корабли все так же планируется угольное отопление. Единственно что – вцепились в гирокомпасы, но этот вопрос настолько злободневен и настолько уже назрел, что это неудивительно. Однако это застарелый вопрос, решение уже назревшей проблемы, а чтобы посмотреть в будущее... Ваша работа – это взгляд в будущее. Миноносцы – это оружие береговой обороны, скорость, сильное вооружение и эко-

номичность. Это оружие нападения, причем в отрыве от основных баз, но идея, получается, опять не востребована.

– Ну этого утверждать наверняка нельзя. Я направил рукопись наместнику – он не чужд новаторству и ярый сторонник современного флота, – возможно, что и выйдет.

– Возможно. Но я не хочу надеяться на авось. Вы думаете, зачем я стараюсь общаться с вами настолько часто, насколько это вообще возможно?

– Честно признаться, в последнее время мне кажется, что причина очевидна, – улыбнувшись, заметил моряк.

– Я люблю Свету, – спокойно ответил Антон. – Однако причина не в ней, а в вас. Я прошу вас, чтобы этот разговор остался между нами. Дело в том, что я намерен сам вести «Росич» в бой и доказать морскому ведомству, что наш корабль стоит запрошенной за него суммы и того, чтобы флот обратил на него внимание.

– А почему не передать корабль флоту в столь тяжкое для России время? Ведь вы патриот своей Родины и сами всегда утверждали, что для достойной жизни вам нет необходимости в слишком больших деньгах.

– Потому что я знаю, что будет, – запальчиво возразил Песчанин. – На эсминце столько новшеств, что экипаж придется готовить не меньше года, но даже если и это опустить, то я попросту не верю в то, что его смогут достойно использовать. Взять хотя бы героическое сидение в луже нашей эскадры, – не скрывая сарказма, закончил он.

– Значит, вы твердо намерены принять самостоятельное участие в боевых действиях, – растерянно заключил Науменко. – Но каким образом?

– Хотя бы на первых порах. А каким образом? Пусть это пока останется секретом. Скажу только, что я не нарушу ни одного из существующих законов. И за то, что я обрел в этом уверенность, я должен благодарить вас: вы объяснили мне, как должно действовать эсминцу в бою.

– Бог мой! Она меня проклянет.

– Что случилось, Петр Афанасьевич?

– Так, значит, то, что вы все еще не сделали предложения Светлане, объясняется тем простым обстоятельством, что вы боитесь погибнуть и сделать ее несчастной?..

Молчание Песчанина, сосредоточенно изучающего свои туфли, было самым красноречивым ответом.

– Петр Афанасьевич, я попросил бы вас не распространяться на эту тему.

– Да-да. Конечно. Но если с вами что случится, как я посмотрю в глаза своей дочери?

– Она молода и, если что, еще полюбит и будет счастлива.

– Ох, молодой человек, я, конечно, не знаток женской психологии, но я прожил с двумя женщинами довольно продолжительный срок. Уверяю вас: лучшее, что вы можете сделать, – это жениться на Светлане, если только вы ее действительно любите. Что касается моего благословения, то можете считать, что вы его уже получили.

– Но...

– Она будет еще более несчастна, если так и не познает радости супружества с любимым человеком, – не скрывая горестного выражения, не дал договорить Песчанину Науменко. – Я прошел не через одну войну – и, как видите, жив и здоров. Не нужно думать о плохом – оно и не случится.

– Спасибо, Петр Афанасьевич.

– Полноте. Сделайте мою дочь счастливой. А о плохом и думать не можете. Я рад, что моя дочь будет спутницей жизни человека, для которого слова «честь» и «Родина» – нечто большее, чем просто слова.

Наместник его величества, главнокомандующий морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке вице-адмирал Алексеев находился в своем кабинете – и при этом его настроение никак нельзя было назвать безоблачным. Он сидел за столом с таким выражением лица, что, казалось, у него сейчас случится нервный срыв. Его адъютант, будучи хорошо осведомленным о нраве своего начальника, предпочел сделать так, чтобы его не было ни видно, ни слышно, покуда буря не минует.

Наконец не выдержав, Алексеев поднялся из-за рабочего стола и, заложив руки за спину, стал нервно прохаживаться по кабинету, непрерывно сжимая и разжимая кулаки.

Это было просто неслыханной дерзостью. Сегодня утром в Порт-Артур прибыл адмирал Макаров и, вместо того чтобы засвидетельствовать свое почтение наместнику, да что там почтение – доложить о прибытии главнокомандующему, – с вокзала отправился на эскадру. Макаров успел побывать на верфи, ознакомиться с ходом ремонтных работ на подорванных судах. Посетить некоторые корабли эскадры, поднять свой флаг на крейсере «Аскольд», принять дела у бывшего командующего вице-адмирала Старка. Он принял участие в снятии с мели броненосца «Ретвизиан», кстати прошедшем успешно, что также подпортило настроение Алексею, так как предыдущие две попытки были неудачными.

Все это ставило Алексея в глупое положение. Он весь день провел в своем кабинете, ожидая появления этого выскочки-крючкотвора, чтобы сразу расставить все точки и показать новому командующему, кто есть кто, а вместо этого напрасно прождал подчиненного, который и не спешил прибывать с докладом.

Наконец устав от бездействия, Алексеев вызвал к себе адъютанта и приказал занести почту. Офицер понял, что его начальник находится в крайней степени раздражительности, так как обычно работал с бумагами в первой половине дня. Поэтому он вошел в кабинет, держа в руке папку с корреспонденцией и довольно пухлый конверт. Молча подойдя к столу, четко отдав честь, положил бумаги на стол наместника, хотя обычно и позволял себе некоторую вальяжность и краткие комментарии о некоторых документах.

Внимание Алексея в первую очередь привлек пакет, в котором оказалась внушительная пачка исписанных аккуратным почерком листов. На первом листе значилось: «Тактика морского боя, вчера и сегодня».

– Что это? Очередной опус какого-нибудь выскочки?

– Прошу прощения, ваше превосходительство, но я только выполнял ваше распоряжение.

– О чем вы?

– Согласно вашему распоряжению вся корреспонденция должна в обязательном порядке проходить через вас. Если же у вас не останется времени ознакомиться со всей корреспонденцией, мне надлежит в краткой форме изложить суть, – четко, вытянувшись в струнку, доложил адъютант.

– И о чем же сей опус? – взвесив на руке довольно внушительную рукопись, поинтересовался наместник.

– О вопросах тактики в морских сражениях. Работа очень тесно переплетается с работой адмирала Макарова, но и во многом дополняет ее, однако общая концепция остается единой. Правда, автор не рассматривает вопросов, связанных с линейными кораблями, делая упор только на легких силах, миноносцах и крейсерах второго ранга.

– Плагиат, – уверенно констатировал Алексеев.

– Я, конечно, не такой большой специалист в вопросах новшеств, как вы, – подпустил немного лести адъютант, – но это, скорее, независимая работа человека, у которого взгляды совпадают со взглядами Степана Осиповича. Да и потом, для того чтобы иметь возможность написать плагиат, необходимо как минимум видеть оригинал, а работа Макарова не публиковалась.

Лейтенант сам не знал, как так случилось, что он занес этот труд именно сейчас, забывая про него на протяжении довольно длительного времени, – вероятно, сказалось напряжение целого дня и он схватил первое, что подвернулось под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.